

25-го мая 1929 г.

ПРАТА

Год издания 2-ой

36

25-го травня 1929 р.

ПРАНА

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. Битинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Владимир Назор. (С хорватского пер. Вл. Куртин): Буревестник. Стихи.
2. Гнат Макуха: * * Стихи.
3. А. Ф. З.: Тихому Дону. Стихи.
4. Людмила Костина: Люблю я Дон. Стихи.
5. А. А. Гейман: В чем сила женщины?
6. Владимир Поляков: * * Стихи.
7. Юзеф Питон: * * Стихи.
8. В. П. Елисеев (В. Петров): Подвеселила.
9. Ф. Штовхань: * * Стихи.
10. Т. Щепетков: Стихи.
11. Коминтерн и Европа.
12. Т. Игнатович: Казачество и горский вопрос.
13. Ш. Балинов: Хорошая, но неосуществимая идея.
14. Козак Бидолага: Трагедия Кубанской Армии.
15. Сергей Макеев: Константинопольские картинки.
16. Думы и мысли.
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Редакция журнала „В. К.“ еще раз искренно и сердечно благодарит все организации и отдельных лиц, поздравивших ее с праздником Светлого Христова Воскресения.

Тяньцзин, Китай — Атаману станицы А. Е. — Письмо получено. Журнал посылается. Привет всем казакам!

Греция. — И. Ф. М. — Просьбу исполняем. Привет!

Братислава. — И. Б. — Хорошо.

Далмация. — В. К. — Письма и материалы получены.

Белград. — А. С. — Будет помещено. Привет!

Болгария. — Я. Л. — Получено. Привет!

Париж. — Нар. — Материалы получены. Подойдет. Привет!

Загреб. — Ф. П. Получено. Подойдет привет!

Франция. — П. К. — „Сполох“ получен. Принят. Привет!

Югославия. — Ф. Я. — Присланные Вами „Думы“ получены. Редакция „В. К.“ искренно благодарит Вас за столь ценный дар.

Югославия. — Л. К. — Переданные Вами для редакции материалы получены. Искренно рады Вашему сотрудничеству. Привет!

Югославия. — И. Г. — Получено. Ответ будет письмом. Привет!

Виши. — Ф. Е. — Некролог получен. Пойдет в след. номере. Привет!

Югославия. — Н. Б. — Получено. Привет!

Румыния. — В. Е. — „Песни“... пойдут в след. номере. Привет!

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

А. Н. В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундюков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devraese, Bruxelles.

От редакции: Просим исправить досадную опечатку в предыдущем (35) номере „В. К.“:

В „Старом Сказе“ Любви Самсоновой, на 1-й стр. в левом столбце, 21 строчку следует читать так:

Каки в тебе радости,
Акромя то младости?

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Éditeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

Разыскиваются: А. Колесников, А. Гришаев и В. Пономарев — певчие Кубанского 1-го Войскового хора в Сев. Америке, под управлением С. Соколова. Лиц знающих что нибудь о судьбе их сообщить по адресу: Inż. M. Bohatyrew Rozdiłnia P. S. K. Przemyślany, Polsko.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 36

Прага, суббота 25-го мая 1929 г.

№ 36

Владимир Навор. (С хорватского перевел Вл. Куртин).

БУРЕВЕСТНИК.

Ю. Гончарову посв. переводчик.

Залетная птица с крылом перебитым
Лежит на утесе, поникнув головой..
Вокруг кипит море. И с ревом сердитым
Дробится о скалы прибой..
Но, как только пены холодное жало
До птицы, шипя, доползет, —
Она встрепенется, посмотрит устало
И — вновь свои очи сомкнет..
Тишь. Все чаще, зазорней рвет молния
Небо и землю..
Птица уж стынет... разбита... одна..
И снится ей первая буря осенняя,
Которой — увь! — не дождалась она!.

Гнат Макуха.

(Югославия).

* * *

... Я не забуду ту могилу,
Де ще маленьким хлопчаком
Навчивсь любити Кубань милу,
Себе личив я козаком.
Та не сіромою в чужині,
Серед чужих мені степів,
А сином вільної країни
І серед вільних козаків..
Я не забуду, — бо ще вірю,
Що рідную Кубань мою
Очима ще не раз я змірю
І на могилі постою..

А. Ф. З.
(Югославия).

ТИХОМУ ДОНУ.

О, Дон Родной, краса степей!
Прими от нас, твоих детей,
От сердца чистого привет
И здравствуй много, много лет!
Мы помним все Тебя, наш Край Родной!
Луга Твои, поля безбрежные, как море,
И за Тебя мы ринуться готовы в бой, —
Не страшны нам страдания и горе!
Терпи же, Дон! Тебе знакомы разные невзгоды.
Терпи—увидишь скоро вновь счастливые Ты годы!
Терпи и верь, что силы сохранили мы
И все здесь слышим плеск и шум Твоей волны.
Немного ждать. Уже светает.
И солнышко как только заблестит,
Трубач тревогу нам сыграет
И — к бою! — грозный клич повсюду прогремит!
Вперед! За Край Родной — за Тихий Дон!
За веру предков, за Отчий Дом!
Вперед! Помчимся мы стрелой,
Отдавши жизнь Отчизне дорогой!

Людмила Костина.
(Югославия).

ЛЮБЛЮ Я ДОН.

Люблю я Дон, прозрачный и глубокий,
Где дремлет под волной седая старина,
Простор зеленый, сказочно-далекий, —
Посмотришь вдаль, и — нет ему конца!
Люблю казачьи мирные станицы,
Люблю самих героев-казаков,
Подобных вольным легкокрылым птицам,
Которым путь всегда везде готов.
Люблю казачек смуглых, синеоких,
С горячим сердцем, с смелой душой, —
Среди степей привольных и широких
Оне не терпят власти над собой.
Люблю я Дон, когда ночной порою,
Чуть слышно плещет темная волна..
Он дремлет чуть... Он грезит про былое,
Могуч, прекрасен, тих в своем покое..
О, Тихий Дон, как я люблю тебя!!

А. А. Гейм (Геолагия)

В чем сила женщины?

(Кубанская старина).

В конце 70-х и начале 80-х годов, когда на Кубани проходила только одна Ростов-Владикавказская железная дорога, связующим нервом между городами этой области были казенные почтовые тракты.

Вот такой тракт пролегал между городом Майкопом на Екатеринодар, прорезая чудную, тогда еще дикую равнину — степь. Над Майкопом и до самого восточного берега р. Белой — возвышались еще мягкие складки зеленой мантии Царя-великана Кавказских гор, седая Голова которого царь Ольбурд, ослепительным изумом сверкает снеговой короной своей и видна со всех краев обширной Кубани; местность же между р. Лабой и Белой — исключительно ровная и степная. Сочные травы здесь были так высоки и густы, что в них с коловой прятался леший и, путаясь ногами в переплетенных корнях их, не мог двигаться. Многочисленные табуны лошадей и стада скота и овец вольно бродили по ним до наступления жары, когда тучи оводов и мух заставляли гнать лошадей в горы, за реку Белую. Травы там на огромных лесных полянах и по широкому лесным, но не заросшим лесом балкам, не угасали на равнинном, но, благодаря высоте местности, вековечным, непроходимым местами лесам и влажному климату, трава здесь никогда не сохла, никто ее не косил и табуны, пригнанные в августе, оставались здесь и на осень и всю зиму на подножном корму, добывая ее копытами, если ее покрывал иногда мягкий снег. Леса эти — родина оденя, всевозможных диких коз, медведя и даже зубра. — Напротив, в степи, вас оглушит страстный бой перепела, и всевозможных сверчков и кузнечиков, и пение порхунов — жаворонков звонких; часто весной вы могли видеть токование стрепета, а осенью стада дроф и стрепетов.

Степь пронизывают маленькие речки: Гиага, Грязнуха, Уль, Фарс и еще другие. Берега их часто поросли непролазной чащей орешника, дубка, боярышника и диких яблонь и груш, а по низу терновником да стебиком и хмелем. Это — царство фазана. Там же крылся и хищный волк и лисичка, а в травках на покосах косари часто выкашивали детенышей дикой козы, которая всегда выводит детей не в лесу, а в траве, да иногда подкашивали обе ноги журавлю, который гнезда с птенцами не оставляет до смерти.

Население, однако, было редкое, — казачьи станицы, а между ними аулы. Верст на тридцать один от другого.

Вот, на половине дороги от станицы Гиагинской до Тенгинской, в 15-верстах от той и другой, на юрте аула Темиргоря, стояла казенная почтовая станция Грязнухинская, а около нее — пост казачий из шести казаков, под начальством приказного. Время было еще опасное, нападения на почту и проезжающих были возможны, и эти посты были необходимы. Почту казаки конвоировали по два, один скакал впереди, а другой сзади тройки с почтой, а безопасность проезда по тракту вообще поддерживалась наблюдением часового с вышки, устроенной на кургане вблизи двора.

На станции жил смотритель с женой и три ямщика. Старший был — Мирон, из ростовских мужиков. Пожилой, спокойный и трезвый, хорошо знающий свое дело ямщик. Имел жену Марью, которая дарила мужу, каждый год по сыну, несмотря на то, была пленительница и утешительница всех казачьих сердец на посту. Был еще парень Никанор, вечно сонный и нечесанный, однако никуда со станицы не отлучавшийся и даже заботливый: когда подходила его очередь «в тон», он всегда говорил Мирону: — Я на сеновале! Там его всегда можно было найти спящим.

Интересный ямщик был третий — Клим. Кто он, откуда — никто не знал, а сам он никогда не говорил. Густая шапка волос, подстриженных в кружок, над правильным, здорового окраса лицом. Прекрасные серые глаза, добродушно, но умно смотрели из-под густых, темных бровей; правильный нос и молодой мягкий рот,

над которым едва заметные русые усы. В левом ухе, серебряная серьга. Высокий, стройный, сильный, он всегда был весел и ласков со всеми.

Первый ямщик был Клим. Тройка его была курьерская; он, запрягаясь редко, только в особо важных случаях. Но за месяц перед тем — курьерские тройки отменяли, и она стала входить в общую очередь «гона». Подобрана эта тройка была на диво. Вороной, длинный, но могучий коренник, с легким коленцем на передних ногах! Звали его «Гаврюшка». Смирный, уверенный в себе и доверчивый к ямщику конь. Первая пристяжка — «Черкес»; Поджарый, низкопередый с горбатой спинной, с длинной шеей — «оленьей» — и сухой горбоносой головой; с ушами зайчика. И третья лошадь «Юла». Просто легкая, отличная пристяжная. Обе пристяжки были гнедые.

Запрягалась тройка эта при запертых воротах, и непременно самым Климом, без всякой помощи других ямщиков. Весь багаж и сам проезжающий садился в повозку, также на дворе. Клим садился на козлы, ворота отворялись настежь и тройка с места поднимала вскачь. Вся задача Клима состояла в этот момент в том, чтобы выскочить со двора и взять правильное направление — на Гиагинскую или на Тенгинскую. Держать было невозможно, да и не было смысла, бесполезно. Так «несла» тройка версты две по дороге. Потом «Гаврюшка» начинал покусывать через оглобли то Черкеса, то Юлу, переходил на обычную, «хозяйскую» рысь и тройка шла, как всякая другая. Однако, Мирон при этом всегда говорил Никанору: — Что если бы на эту тройку да посадить тебя — не осталось бы ни осей ни «колесей». А от души твоей сонной — один пар!

Таков был общий любимец — молодец Клим.

Ему подстаг была и молодая, красивая жена его Луша. Маленькая, белокурая головка, повязанная чистеньким голубым или красным платочком так, что передняя половина слегка выющихся светлорусых волос с прямым пробором была открыта, а платок, проходя за маленькими ушками, охватывал два ряда кос, бегущих полными кольцами от половины головы, и подвязывался под затылком. Под мягко закрученными, темнее волос, тонко очерченными, бровями светились добротой и лаской голубые, глубокие, красиво очерченные глаза. Небольшой, правильный, немного приподнятый в конце носик над маленьким розовым ртом с мелкими белыми зубами, всегда открытыми. Прекрасно очерченный овал лица, с розовыми, немного припухшими, как углем рта щеками, что придавало лицу чуть, чуть капризное выражение. Головка эта стройной, длинной шейкой соединялась со вмеру полным, но стройным туловищем с покатыми плечами и не тонкой, но гибкой талией и не крупным, хорошо развитым бюстом.

Стройные, проворные ножки, всегда в чистых белых или темно синих чулках и простых, козловых башмачках, с низким каблучком, казалось, были несколько слабы для тоса. Приятно было видеть, когда Луша, в простом ситцевом, но чистом платьице, синего или серого цвета, повязанная по талии белым фартуком, неся на коромыслах ведро на одном конце, а блестящий как солнце самовар на другом, шла к реке Грязнухе, мягко покачиваясь в талии. — Здравствуйте, лебедь белая! Не знал, как вас звать и как величать — разлетится к ней, недавно прибывший на пост молодой казак. — Здравствуйте... отвечает Луша и взмахнет на него своими большими, как небо синими, ласковыми, но строгими на сей раз глазами. Так на том кавалер и останется. И руки опустятся и язык прилипнет. — Ишь, какая царевна недотрога, бурча себе под нос пойдет казак своей дорогой. Луша была недоступна даже для шуток.

В ее небольшой, но образцово чистой горенке было светло и уютно. Широкая кровать, покрытая косточковым одеялом с широкой красной каймой, и четыремя белоснежными подушками, две побольше и две поменьше;

три четыре табуретки, шкаф для одежды и полка с посудой, да горшки с геранью и розами на подоконниках, завешанных кисейными занавесками. Окно и чистый небольшой стол в углу, — вот и все. Но как все к месту и делу! Луша вечно что-нибудь делает, шьет или вышивает у окна, а для развлечения — купает поросенка, или маленького еще щенка, взятого ею из жалости.

Странные, однако, были отношения между Климом и Лушей. Жили они повидимому, ладно, никогда не спорили, а тем более не ссорились. Как будто всегда довольны были один другим, но говорили между собою только самое необходимое: Кли-и-м! обе-дать-иди! крик-нет Луша из окна. — Сейчас... спокойно ответит Клим из конюшни, или из-за развешанных и разобранных на солнце хомутов, с которыми вечно возился.

Молча сядет за стол, молча обедает. Кончив и ни слова не говоря, уйдет или к лошадям, или к хомутам своим.

Спал ночью Клим так же всегда в конюшне.

— Как это вы Луша чудно живете с Климом. Слово брат и сестра, а не муж и жена, спросила ее как то жена смотрителя.

— И что ты, Васильевна, мы живем в законе.

Вот и все. Случалось иногда, что заберется Клим к казакам и выпивают, кофичко, там. Опять смотрительша зовет Лушу: Сходила бы, позвала мужа, ведь он очередной на „гон“.

— Как можно, да он ни за что не пойдет, а только разгневется. Придет и сам во время, — а я не смею.

Случается, — ямщики в гоне, один Клим дома. Разморенные жарой казаки и смотритель с смотрительшей, да и куры и собаки на станции спят мертвым сном. И вот тогда Клим поет высоким баритоном, где-нибудь в конюшне. Сначала потихоньку, после все громче. Хорошо поет, трогательно. И чего не поет Клим и про что! Тут и Дон тихий, да вольный, и ковыли степей бескрайных, и курганы седые. И Степан, и Ермак тут же. Безисходная грусть и тоска низких регистров пения вдруг сменяются неудержимой радостью и буйным окриком молодецким...

И вот тогда наблюдательный глаз мог заметить за кисейной занавеской горенки Лушу, ее слабый силуэт. Опершись локтем о подоконник и подперев щеку на ладонь, затаив дыхание, слушает она пение мужа. Слушает и то плачет, и то улыбается и не оторвется, пока Клим не умолкнет. А Клим разом оборвет, если заметит за занавеской тень Луши или почувствует ему, что кто-нибудь на станции или на посту не спит. Не любил Клим, чтобы слушали песни его. Эти песни должно быть и заполонили сердце девицы Лушино, да чаруют и теперь.

Подошла и поздняя осень. Речка Грязнука уже покрылась тонким, прозрачным льдом, позволявшим видеть места, действительно грязное, а местами и песчаное, с мелкими камешками дна ее.

Пошла Луша, по обыкновению, на речку, чтобы набрать ведро воды, да самовар песочком почистить. Стала на лед, лед, еще слабый, проломился и Луша, не удержав равновесия, села на дно по пояс в воду. Уперлась руками в крепкие еще края проруби, — обломилась и они — ноги ушли дальше под лед, а вода забрала ее уже и за шею. Все же выбралась. Пока дошла до дому — все на ней лубком обмерзло. Не так то скоро — без посторонней помощи — удалось снять все обмерзшее да переодеться в сухое, и Луша простудилась. Всего три недели пролежала Луша в горячке и отдала душу свою светлую.

Казалось, совершенно спокойно принял это несчастье Клим. Сам сколотил гроб и отвез покойницу в станицу, где и похоронил.

— Что же, Васильевна, — Бог дал... Бог и взял. Упокой Господи ее душечку, спокойно сказал Клим, когда, по возвращении из станицы, смотрительша спросила его: — жалко ли ему Лушу. Потом все пошло по прежнему.

Прошло месяца три. Как то поехал Клим в гон, а оттуда возвратился с пассажирской в повозочке.

— Вот, прошу любить да жаловать, сказал Клим и начал выкладывать ямщикам. — Новая жена моя. — Хотя и пригульная, да ничего.

Как раз в тот же день приехали на станцию и старики — отец и мать покойной Луши. Клим справил поминальный обед, потом собрал и аккуратно уложил все ее вещи в сани родителей Луши. Старики погоревали, сходили попрощаться со зрителями и долго там разговаривали, потом дружески попрощались и с Климом, сели и уехали. А в пустой горнице хозяйкой водворилась — Агафья, новая жена Клима.

И вот тут только выяснилось, что Клим был беглый донской казак. Пришел сначала на Кубань, нанялся работником к зажиточному казаку ст. Прочноокопской, старообрядцу, и за один месяц, молодецким видом и поведением, а больше должно быть лихими, да трогательными песнями своими околдовал дочку его — Лушу. Просил дать согласие на брак, но крепкий старик-старовер не только не дал согласия, а и пистолетом пригрозил. Тогда любовники бежали.

Велики были, знать, обаяние парня и любовь девицы, если она, в те строгие времена, пренебрегла и веру отцов и традиции, строгость и чистоту нравов старообрядческих, — ушла с православным, невенчанная.

Агафья уже не молодая баба. Голову покрывала грязным белым платком, подвязанным концами под подбородком. Над лбом, высоким и сдавленным с боков, платок нависал острым козырьком, а из под него выбивались редкие, никогда нечесанные космы. Сердце лицо с большим ртом, с тонкими, бледносиними губами; и все это безобразие дополняли безбровые, зеленые глаза. Юбка всегда подтыкана с одной стороны за пояс, обнажая ноги в грязных толстых чулках, при чем один подвядан грязной тесемкой, а другой спускался до щиколотки; красная расчесанная икра ноги и стоптанные копы на ступнях заканчивали весь этот отвратительный „экземпляр“.

Агафья вечно кричала своим скрипучим голосом. Уже через неделю щенок оказался с выбитым глазом. Каждая попытка его взобраться по ступенькам крыльца в комнату оканчивалась для него мучительно: Агафья просто сбрасывала его ногой чуть не на середину двора. Несчастный забирался тогда под крыльцо и горько визжал там, обиженный и голодный. Умный поросенок сбежал к казакам на дост, где его казаки и сели.

Клим перестал спать в конюшне. Забрался он как то по старой привычке на пост, попить водочки, но узнала Агафья подошла к единственному в курене, где сидела компания, окну, розыскала глазами Клима и постучала. Клим встретил взгляд Агафьи; конфузясь, но решительно встал, извинился и поспешно пошел за Агафьей, которая постучав в окно, тотчас же вошла на станцию, даже не оглядываясь. — Как бычек на веревочке! — удивлялись после казаки.

Клим никогда больше не пел своих песен.

Слава Богу недолго Агафья своим присутствием оскорбляла своеобразный, но опрятный уклад в станционной жизни, но грязный след ее надолго засел в памяти обывателей, а для Клима, как увидим, оказался и трагическим.

Что-то через месяц с небольшим, поехала Агафья с обратной тройкой в ст. Тагинскую по своим делам, как она говорила, а через день на станцию приехал оттуда еще ямщик и объявил всем, что Агафья велела сказать Климу, чтобы больше не ждал ее, а если когда встретится, то она ему в глаза наплюет; а сама уехала с одним армавирским торговцем — армянином. Все с радостью приняли эту весть, только Клим, ни слова не говоря, повернулся, пошел в конюшню и ничком лег на свою, оставленную было кровать.

Двое суток не выходил Клим из конюшни. К лошадям вставал, но уже не разговаривал с ними ласково и наставительно, как прежде. Немало и пиньков ногою под живот получил добродушный „Гаврюшка“, а „Юла“ уже не юлила больше.

Очередной гон заставил Клима выйти из конюшни.

Вывел лошадей, запрег, сел на козлы... Отворяй Ворота-настежь... Но кони... ни с места! Клим вынул из

под себя кнут и в первый раз в жизни вытянул Гаврюшку... Конь вздрогнул, закинул морду за оглоблю так, что мог одним глазом видеть Клима и нервно замер. Еще удар кнута — Гаврюшка налег на оглоблю задом, треск и Гаврюшка повалился на сломанную им оглоблю. Пристяжки оттянули поводки и построжки в стороны и опутив головы растерянно стояли на месте. Лошадей выпрягли, запрягли в другую повозочку. Та же история. В гон пошла другая тройка. Клим увел лошадей в ко-

нушню и залег на кровати. Это было перед вечером, а на утро Клима не стало на станции. Он исчез.

Ехали через несколько дней черкесы из аула Темиргоя, заезжали, по обыкновению на станцию и говорили, что видели как то Клима, проходил он с кнутом через их аул и направился по шляху на ж. д. полустанок Гулькевичи. С той поры о нем ни слуху ни духу. Тройка Клима навсегда оказалась сноровленной и ее расформировали по другим станциям и тройкам.

Владимир Поляков.
(Брно).

* * *

После долгого зимнего сна
Пробуждалась весна чародейка.
И, журча, по откосам сбегала вода,
Извиваясь тоненькой змейкой.

Солнце с неба дарило улыбки весне,
В голубом утопая эфире.
И купались, плывя далеко в вышине,
Облака в теплоструйном зефире.

Щебетали певуны в зеленых кустах,
Суетливо меж веток порхая;
И с улыбкой стоял на невинных устах
Ландыш — вестник грядущего мая.

И весеннее солнце в лесу по земле
Разбегалось веселыми бликами.
А вверху, далеко в голубой вышине,
Журавли мелодично „курлыкали“.

Вереницей летели туда журавли,
Где раскинулись степи без края;
Где гуляют на воле лишь ветры одни,
С ковылем и полынью играя.

Где Донские вздымаются воды,
По широкой разлившись равнине;
Нас от них отдалили невзгоды
На далекой немилой чужбине...

Долго, долго глядел я в мутнеющий след,
А на сердце немая печаль;
Эх! скорей бы уж, что-ли, конец наших бед —
С журавлями-б в Родимую Далы!..

Журавли утонули вдали за горою
Там, где небо одето уж мглой.
Кому сердце свое я, тоскуя, открою?..
И чьи очи блеснут мне слезой?..

Юзеф Питон *).
(Польша).

* * *

Прощай, о, Тихий Дон! Прощай!
Должно быть, навсегда!
Твоих полей, лесов и гор
Я не увижу никогда.
И соловьев твоих напевы
Подслушивать в вечерний час,
Как слушал я не раз,
Мне не придется вновь;
И слово чудное „любовь“
Зашепчут мне другие девы...

Я не родной тебе, не сын,
Но, ты дарил любовь и ласки,
И, как родная мать,
Свои рассказывал мне сказки,
Мою качая колыбель.
А твоя грозная мятель,
В ночи угрюмо завывая,
И горы снегу нагребая,
Казачью пела мне печаль...
Твоих вод сверкающую сталь
Я рассекал своим веслом,
И сколько песен о былом
Неслось с тех тихих берегов...
Слагала их донская рать
Решая в битвах с бусурманом —
Царем московским, или ханом, —
Свободной быть, иль рабом стать!

Но, там, где был степной простор,
Так много солнца и лазури, —
С севера промчались бури,
И тщетно б стал искать наш взор
Полей цветущих и станиц, —
Нашел бы стаи черных птиц...

В. П. Елисеев (В. Петров). (Румыния)

Подвеселила.

(Светлая страница из записок „Мертвого Дома“).

Большой старинный замок гористой Трансильвании, в который после „белой неустойки“ угодил казаки — „Врангелевцы“. Замок, имевший, быть может, некогда свое славное историческое прошлое, теперь уже давно, очевидно его утратил, чему так наглядно свидетельствует и его до-нельзя запущенный, неряшливый вид. Окна, сплошь и рядом, побиты, полы дырявы, подоконники кем-то покусаны. Внешний вид еще более угрюм, — к серым, ошарпанным, громадным стенам и такой же крыше уже много веков не прикасалась рука каменщика.

Унылый вид „Мертвого Дома“. Не менее он уныл

и на обитателях его — казаках. Одни бесцельно шагают по бесчисленным комнатам „мертвого лабиринта“, не находя о чем говорить и на чем остановить свой растеренно-блуждающий взор; другие, как-то виновато прижав плечи и глядя в землю, уныло, порознь бродят по тесному двору замка. Первые и вторые думают... Скучно. Больно скучно всем...

Откуда ни возьмись, — „Анна Васильевна“. Вихрем

*) От ред. Автор этого стихотворения — родом швейцарец, живший одно время на Дону.

несется куда-то она на своих маленьких скорых ножках, пересекая двор.

— Анна Васильевна, Анна Васильевна! — раздастся ей вслед по двору.

Все, сразу оживившись, подняли головы.

— А, Анна Васильевна, здравствуй! — и бродящие по двору поспешно окружили тесным кольцом трехлетнюю девочку, полуиспуганно прижимавшую к себе попку — бумажный кулечек.

— Анна Васильевна, Анна Васильевна! — кричат ей и свесившиеся с балконов замка.

— Пустите, а то чай простынет, — отбивается от тесного кольца „Анна Васильевна, — мама ждет сахар.

— Ай-да, Анна Васильевна. Вот так молодец, — подступает к ней, ласкаясь, полковник Никитин.

„Анна Васильевна“ старается пробить толпу, но кольцо еще теснее суживается.

— Нет, ты если хочешь, чтоб мы не отобрали от тебя сахар, так ты нам скажи, кто ты? — пристают к попавшей в круг „Анна Васильевна“.

— Кто ты, Анна Васильевна?

— Да что ж вы не знаете что-ль, что она русачка, русская, — подзадоривают в толпе.

— Нет. Я не русачка и не русская, огорчается „Анна Васильевна“.

— Так кто же ты? Румынка, мадярка?

— Я донская казачка. Пустите.

— Ха-ха-ха, — раздается по лагерю.

— Вот так Анна Васильевна. Ай-да молодец. Ну, теперь, катай, — и расступившееся кольцо дало дорогу полетевшей по двору метеором „Анна Васильевна“.

— Ну, вот и молодец Анна Васильевна. Подвеселила... И казаки тут же на месте, не ломая круга, весело и горячо заговорили о недавно ими оставленных вольных казачьих хуторах и станицах. И ноющие по потерянному Казачьему Дому их больные сердца сразу затрепетали под живой влагой жизни, а в угрюмо-пасмурных, безнадежных лицах засветился подбадривающий их луч надежды на свое возрождение и грядущее казачье будущее...

Спускались темные сумерки надвигавшейся чужой ночи над старинным, мрачным и ошарпанным замком. Темный, штиугольный, тесный двор становился еще темней и тесней. Наступала бессонная ночь. Ночь „Мертвого Дома“...

А казаки все стояли тесным кольцом на твердом булыжнике допотопного замка. Стояли, перелетев на ковре-самолете в свои широкие, зеленые Родные Края, в свою Вольную Казакую...

Ф. Штовхань.
(Подброды).

* * *

Памяти павших девять
лет тому назад...

Рвитесь на части, проклятые цепи,

Рвитесь по звону мечей...

Пойте, вершины Кавказа, надгробные песни, —
Вспомните павших детей...

Спите в горах, средь долин,
Милые кости родных нам бойцов...
Пали за волю широких равнин,
За честь и заветы седых стариков!..

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Як там гарно сонде сьє,
Як весна степи широкі
І могили ті високі
Шовком ніжним одягає.

Так чарівно ти розбудиш
До життя природу сплячу.
В цю хвилину я все плачу,
Що недолі ти не згубиш.

Помню ще, як там синіють
В милім Краї небеса;
Їх приваби і краса

Нам ніколи не змарніють.
На чужині небо чорне
Давить душу, сумом нуде.
Зневажають злії люде

І ніхто нас не пригорне.

Ах, коли побачу хвилі,
Що несли червону в море!
Ой, коли нас лишить горе
І в станиці верним милі!

Дні звірі вже зникають,
Як зіми морози люті.
Хмари в олово закуті
Сонця-волі не сховають!

Т. Щепетков.
(Югославия)

* * *

Вдали, за рубежом Родной Земли,
Родной реки мне грезятся извивы.
Вот будто слышу чибис протянул: „чии вы“?..
В дремоте над рекой отяжелели ивы;
Сады разлились молоком над лугом;
Листочки тополей, родившись, шепчутся друг с
Белеются в закоске гуси на ночлеге, [другом;
И соловейко в томной неге
Богатой трелью песню увивает;
Из-за „колена“ дед Грешан с сетями тихо
выплывает;

Из леса темного одеждой длинною мне машет гном:
Дыханьем мира зачароваң, к земле приинкини в
торжестве немом...

Так было!.. А ныне сказок этих нет!
От легких грез остался слабый след.
Стряслась беда — покой покинул берега
Удел несчастных братьев и отца — [родные!..
Их незаслуженные муки —
Иные образы приносит мне с Донца,
Родил в душе иные звуки...

И доброго гнома в легких одеждах
В рубище ветхом старик заменил.
Скорбит он о бывших надеждах
И молит у Бога могил
Для тех, кто погиб безызвестно,
В счет будущих благ жизнь пожертвовав честно.
Река обмелела, повырублен лес,
И с пня на пенечек в нем, красенький бес,
Хихикая, с посвистом пляшет потешную,
Тьму россиянам состряпав крошечную.
В зябком ненастьи колотятся ивы,
В неверном тумане заброшены нивы...
Я слышу: в тиши, из болотной глуши
Камышей задонечных
Доносятся стоны скорбей бесконечных;
Совы да филины плачут всю ночь;
Грезы и сны — все отхлынуло прочь...

Коминтерн и Европа.

(По поводу первомайских событий в Берлине).

Московский Коминтерн с первых же дней своего существования усиленно спекулировал на мировую социальную революцию.

Всеобщая разлука в первые годы после войны психологически была благоприятна для ультрареволюционной пропаганды красной Москвы. Социальной революции, правда, нигде не было, но псевдореволюционные вспышки или неудачные попытки вызвать их во что бы то ни стало, случались то тут, то там.

Москва денег не жалела. Ее агенты и эмиссары были вездесущими и проявляли массу предприимчивости и бесконечную энергию по части разных революционных опытов.

Шли годы. Усталый от войны и революций мир успокаивался. Москве, в частности коминтерну, это очень не нравилось. Но, делать было нечего. Приходилось мириться с этим „неприятным“ фактом, тем паче, что „хроническая революционность“ Коминтерна была очень и очень не на руку иностранной политике СССР.

В последнее время казалось, что большевики, под давлением необходимости, с одной стороны, а с другой, — видя сизифову работу вечно революционного Коминтерна, решили вообще или на время ликвидировать ее за пределами своей родины.

Мы здесь уже писали о том, как, при благоприятном содействии Москвы, планомерно велся за последние месяцы разгром наиболее влиятельных коммунистических партий в Европе, т. е., германской, чехословацкой и французской.

Режим Сталина, старающийся во чтобы то ни стало быть оригинальным на внутренне-политическом фронте СССР, повидимому, не прочь показать свое оригинальное творчество и вне пределов советской унии.

Поэтому из архива недавнего прошлого вытащена была на свет Божий снова на время забальзамированная мумия социальной революции для вящего устрашения буржуазной Европы.

Большевицкий Саваоф жаждет крови на улицах европейских столиц. Ему мерещатся баррикады и победоносные красные знамена в Берлине, Париже, Праге...

Для этого было решено использовать традиционный первомайский рабочий праздник. Коминтерн заблаговременно принял меры. Были даны инструкции, деньги, агенты и руководители.

О том, что европейский коммунизм пребывает уже давно в маразматическом упадке, несмотря на все денежные прививки Коминтерна, ни для кого не секрет.

Заблаговременно всем могло быть известно, что только в трех государствах, т. е., Германии, ЧСР и Франции — могла бы быть речь о каких-либо „массовых“ выступлениях московских партийных вассалов.

Но — ч.-с. компартия выбыла как раз из строя, вследствие внутренне-партийных неурядиц, переживая свое безнадежное „смутное время“ и предаваясь хроническому взаимоищению.

Французский коммунизм отличается гальскою „легкомысленностью“; к тому-же, достаточно разгромлен в „порядке партийного подчинения“ Коминтерну.

Monsieur Тардые решительно и в корне пресек подготовляемые первомайские „проекты“ в Париже, изъяс на этот день из политического обихода — всех мало-мальски ответственных комментов, в общей численности около 4.000, а чужих комсимпатиков изгнав вообще за пределы Франции.

Таким образом, жертвою сталинской провокации стал один только Берлин, где первомайское кровопролитие подготовлялось московскими эмиссарами с небезызвестным Мануильским во главе в ударном, так сказать, порядке.

Сталину нужны были трупы европейских рабочих, чтобы разоренному и истощенному СССР показать, что в „гнилой Европе“ — тоже дела, мол, дрянь, а попутно вечно сомневающимся „троцкистов“ проучить и воочию убедить в том, что социальная революция не совсем уже покойница и, при случае, может снова дебютировать на европейских подмостках.

В Берлине действительно первого мая лилась на улицах человеческая кровь. Были убитые и раненые. Кровавые события с баррикадами на улицах германской столицы продолжались три дня. Если бы не энергические мероприятия правительства Сталин, конечно, получил бы своих 200 желанных трупов целиком... Путч был бы более „удачным“ и, кто знает, может быть, привел бы к активному выступлению „стальных касок“, которые, „затаившись в арьергарде“, ожидали только подходящего момента для своего активного выступления, с целью свергнуть „ненавистную“ им германскую республику.

В таком случае, Коминтерн мог бы себя поздравить с новым успешным „достижением“, в виде очередной (реакционной!) диктатуры в Европе.

Но, проиграв, Сталин и присные рвут и мечут ныне, стараясь доказать, что большевики в берлинских кровавых событиях не при чем, хотя Ворошилов утром первого мая в своей вызывающе антигерманской речи их предсказывал, хотя весь московский первомайский парад был вызывающе антинемецкий, хотя вся большевистская пресса с восторгом превозносила берлинские события, хотя и несмотря на протесты германского посланника в Москве, Петроград был свидетелем явно организованной большевиками демонстрации перед германским консульством.

Наконец, сами немецкие коммунисты разоблачили истинную роль Коминтерна в этих событиях, что было установлено и документальными данными и официальным расследованием этого печального события.

Повидимому, Москве мало этого кровавого „пробного урока“ на улицах Берлина. Коминтерн готовит на первое августа его повторение, уже во всеевропейском масштабе, под фирмой „красного дня“. Соответствующая инструкция, на днях разосланная европейским компартия, прямо ссылается на опыт первомайских уличных боев в Берлине и рекомендует берлинскую революционную тактику и стратегию для августовского „красного дня“.

Один коммунистический депутат из верных Москве заявил публично в прусском ландтаге, что на первое августа его партия „вызывает пролетариат подготовиться к действительно вооруженному восстанию и к победной борьбе против этого государства“.

Такова „революционная линия“ Сталина по отношению к Европе.

Что она безнадежна при современном политическом положении дел в Европе, — хорошо известно каждому мало-мальски политически грамотному человеку. Не менее ясно и то обстоятельство, что она будет прекрасным предлогом для новой активизации антибольшевистских сил.

В интересных очерках одного чешского публициста, недавно побывавшего в СССР, отношение которого к советам — благоприятный нейтралитет, — констатируется между прочим, что „в России действительно угасает коммунизм отрицания, став предметом вывоза“, и что „коммунизм отрицания становится в Европе все более конфузным эпизодом послевоенного периода“.

Эти замечания об очевидном упадке боевого коммунизма несомненно правильны. Конечно, Кремль об этом прекрасно осведомлен. Спрашивается к к же можно после этого заниматься устраиванием „кровавых бань“ в Европе под флагом „победоносного“ коммунизма?! Не есть ли это *va banque* зарвавшегося и проигравшегося до последней нитки азартного игрока?!

Т. Игнатович.

Казачество и горский вопрос.

Казачья идея в современном ее понимании, как идея независимого государственно-политического организма — вольного союза вольных Казачьих Земель, настоятельно требует ясного и исчерпывающего определения отношений ее к другим подобным идеям, в настоящее время существующим и действующим на Востоке Европы. При определении этих внешних отношений одновременно определяются и различные стороны самого внутреннего содержания казачьей идеи, — она становится более конкретной, более ясной.

Уже самим своим современным возрождением казачья государственно-политическая идея обязана тому, что Казачество установило свое отношение к идее, бывшей в последние пару столетий главным историческим деятелем Восточной Европы, — к идее Российской Имперской государственности. Российская Империя уже с первых шагов своих на исторической арене проявила себя совершенно непримиримой к государственно-политическим формам созданным самим Казачеством на его Землях — Украине, Дону, Урале...

Уничтоживши казачьи государства, заставивши Казачество, как „специальное сословие“, нести на себе непосильную службу, имперская идея создала колосс на шестой части земной суши... Колосе, имевший непреодолимую тенденцию к дальнейшему увеличению за счет поглощения соседних меньших государственных организмов. Однако, внутреннего ни физического, ни психического цемента имперская идея созданному колосу дать не смогла. В час испытания, в час решающей борьбы, колосс развалился на составные части и не нашлось никакой серьезной силы, которая поставила бы себе задачу вновь соединить распавшееся.

Казачество не было фактором способствовавшим распаду Империи. Будучи в ней не хозяином, а слугой, Казачество ждало хозяйского слова от русского народа: ждало для всех и для себя нового справедливого порядка. Однако в новых послеимперских российских государственных идеях, для Казачества не оказалось даже того „сословного“ места, которое занимало Казачество в Империи. Казачество для русских стало анахронизмом, Казачество, как отдельная социальная особь осуждено было на смерть.

Установивши мертвенность старой имперской идеи,

ее ненужность кому бы то ни было, в том числе и самому русскому народу, Казачество не взяло на себя задачу реставрации Империи. Не найдя для себя места в новых русских демократических, социалистических и коммунистических системах, изверившись в доброй воле и разуме народа-хозяина, Казачество начало „пригреть к своему берегу“, строить для себя свой государственно-политический курень. Таким образом, казачья идея сразу же стала формироваться, как противопоставление идеям русским во всех их видах и оттенках. Характер казачьей идеи сразу же определился, как исключительный и вполне оборонный. Казачеству нечего искать в России; Казачество хочет дальше жить, и то по своей воле, в своих прадедовских Землях, а какие порядки себе заведет русский народ — его дело.

Однако новые русские государственные идеи имеют все те же черты ширины, размаха и экспансии, какими отличалась и старая имперская идея. Они стремятся охватить собою не только русский народ, но и иные народы, стремятся охватить и Казачество. Отсюда неизбежна борьба между обороняющейся казачьей идеей, и наступавшими русскими. Ныне Казачество находится в положении побежденного. Сравнение физических сил борющихся сторон казалось бы совершенно не в пользу Казачества. Однако, не одной лишь физической силой решается борьба среди человеческих обществ. Главное значение имеет сила моральная, право, — а они то на стороне Казачества, ведущего свою оборонительную войну под знаменем святых общечеловеческих идей свободы, равенства, братства и вольного самоопределения народов. Это чувство правоты своего дела удеситерит физические силы Казачества, не так то уж и малые при осознании его культурно-племенного единства и неразрывности политических и экономических интересов Казачьих Земель.

Определяя вполне отрицательно свое отношение к действующим русским идеям, Казачество по необходимости должно стать на путь определения себя и по отношению к другим народам, ведущим такую же оборонительную борьбу против русского империализма. Здесь в общем фронте против общей опасности соз-

дастся та могучая физическая сила, которая недопустит грубого насилия над каким либо из малых народов. Борьба Казачества за его права становится вполне верною, когда плечо к плечу у Казачества оказывается такой союзник, как многомиллионная Украина. Возобновление давней традиции казачьего братства Украины, Дона, Кубани, Терека... — вот поистине фактор величайшего исторического значения для современности и будущности Востока Европы.

Сердечный союз казаче-украинских Земель — это центральный стержень огромного комплекса общности интересов народов „от хладных финских скал до пламенной Колхиды“ и еще далее вплоть до „крыши Мира“ — поднебесного Памира.

В этой системе народов, задачей казачьей политики в настоящее время является:

а) правильно и точно установить место, удельный вес и значение Казачьих Земель в целом и в отдельности;

б) общие государственные рамки и формы равно как и внутренние взаимные отношения между Казачьими Землями;

в) отношения к соседним Землям и народам, в первую же очередь к Украине и Кавказу.

Настоящий очерк имеет своей задачей остановить внимание читателей „В. К.“ на горском вопросе, как части проблемы казаче-кавказских отношений. Автор не претендует ни на исчерпывающую, ни на новую постановку этого вопроса, автор делает только попытку некоторой систематизации и критической оценки существующих положений с точки зрения народно-государственной казачьей идеи. В вопросах спорных между горцами и казачеством Терским или Кубанским, автор старался все время оставаться на почве самой строгой объективности. Как материал, использованы многочисленные беседы по данному вопросу с различными представителями горской и казачьей общественности и политики, равно как печатные данные и пресса.

Цифровые данные относительно населения и грамотности горских областей имеют своим источником издания Центрального Статистического Управления СССР в частности: „Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том V Крымская АССР; Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. Отдел I народность, родной язык, возраст, грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР. Москва 1928“.

В настоящее время горцы Северного Кавказа населяют более или менее компактно массою десять округов и автономных областей Северо-Кавказского Края РСФСР и Дагестанскую Авт. ССР с общим количеством населения 1,954.943 души на пространстве 89.669 кв. километров. В остальных округах Северо-Кавказского Края горцы являются только случайными жителями городов и нигде не составляют компактных сосредоточений. Современное областное административное деление создано советской властью из территорий Горской Республики и Земель казачества Терской и Кубанской. До великой войны и русской революции горские территории входили в состав областей Дагестанской, Терской, Кубанской и губернии Ставропольской.

Горские племена Северного Кавказа, долгие соседи казачества Терского, Гребенского и Кубанского, после долгой кровавой войны окончательно покорены были Россией в 1864 году. Жестокое репрессии над покоренными горцами и специальная политика российского правительства привели к тому, что около половины всего горского населения принуждено было покинуть родную землю и эмигрировать в Турцию. Во время этой принудительной эмиграции огромные массы горцев погибли от голода и эпидемий, или же просто потоплены были в море вместе со старыми дырявыми кораблями. Оставшиеся в живых, на новой родине в Турции, нашли себе возможность более или менее обеспеченного существования. Некоторые круги горской

эмиграции получили даже довольно влиятельное положение в турецкой политической жизни.

Оставшиеся на родине горцы с момента завоевания и до революции 1917 года несли гнет русского режима без малейшего проблеска надежды на улучшение своего положения. Более состоятельные горские классы, пригнетые царским правительством, быстро руссифицировались, немногочисленная тоже руссифицированная интеллигенция лишена была возможности вести культурно-национальную работу на родных языках и постепенно отрывалась от народных масс. Масса горского населения, без организованного школьного дела пребывала во тьме страшной безграмотности и при отсутствии медицинской помощи вымирала от эпидемий. Духовную жизнь в примитивных условиях племенно-родового быта поддерживало только магометанское духовенство, к сожалению, тоже часто мало просвещенное и консервативное.

Всероссийская революция принесла с собою пробуждение горских племен, вступивших сразу же на путь воссоздания своей независимости и государственного существования. 11 мая 1918 года горцами декларирована была независимость республики Северного Кавказа на широких демократических основаниях. Был создан парламент и ответственное перед ним правительство. Созданы были основы армии. Горская республика вошла в дипломатические сношения с соседними государствами Азербейджаном, Грузией, Кубанью и была представлена на широком международном форуме — в Париже. Острые пограничные споры горцев с терским казачеством обе стороны старались ликвидировать мирным способом. Лишь крушение под натиском большевиков соседних государств, казачьих и кавказских, привело в 1920 году к новому завоеванию русскими горской республики. Политическая горская эмиграция и представительство горского парламента и правительства ныне на международном поле представляет горские интересы и ведет подготовку освобождения родных земель. Политическая жизнь горцев под большевической оккупацией совершенно придушена всеильной коммунистической партией, все же принужденной, в целях пропаганды, пользоваться горскими языками. Применение горских языков, хотя бы для целей коммунистической пропаганды, поставило там вопрос организации школы на горских языках и на этом поприще горская интеллигенция делает некоторые, хотя и не большие, достижения.

На эмиграции политическая мысль проявляется и развивается в нескольких организациях партийного характера. Часть состоятельных горцев, сильно руссифицированных и связанных в минувшем и настоящем с русской интеллигенцией, группируется вокруг парижского „Союза Народов Кавказа“. Не имея собственного печатного органа, эта группа обосновывает и защищает свои взгляды на страницах российской эмигрантской прессы. Она выступает против идеи независимой горской государственности, критикует идею вхождения горцев в состав кавказской федерации и отстаивает мысль про необходимость удовлетвориться местным племенным самоуправлением в границах русского государства. Ни количеством последователей, ни широтой и интенсивностью пропагандистской работы эта группа похвалиться не может.

Горская эмиграция так сказать, „самостоятельно“ направления, к какому принадлежат и официальные представители горцев, имеет в настоящее время две политические организации: „Национально-демократическую партию горцев Северного Кавказа“ и „Народную партию горцев Кавказа“. Имея общие идеологические положения, обе организации расходятся только в вопросах тактических и отчасти на почве личных взаимоотношений. Расхождения эти, однако, не настолько глубоки, чтобы не могли быть устранены и в последнее время, в связи с общим поднятием интенсивности работы горцев, кажется, делаются шаги к объединению обеих организаций. Официальное горское представительство в своей международной работе соблюдает полное единство с представительствами Азербейджана и Грузии и находится в дружественном союзном контакте с представительством Украины и Туркестана. Орга-

нами горцев являются на русском языке „Вольные Горцы“ в Праге и „Горцы Кавказа“ в Париже, на французском языке общий орган Украины, Кавказа и Туркестана „Promethée“ и специальный бюллетень ассоциации „France-Orient“.

Национально-политическая идеология и программа горцев сводится к следующим основным положениям (приводим почти дословные цитаты):

- I. Мы, горцы, не связанные с русскими ни расовым, ни языковым, ни культурным, ни бытовым сходством, ни родством, хотим жить сами без опекунов и хозяев. Хотим сами распорядиться тем, что нам дает наша земля. Войны мы русскому народу не объявляем. Искренно хотим быть с ним в добром соседстве, но к свободе и независимости будем стремиться всеми нам доступными средствами.
- II. Горцы веками жили своей независимой демократической жизнью; имели свою культуру, свою литературу, музыку и искусство, остановленные в своем развитии русской властью. Горцы — этот маленький героический народ, ведший около века кровавую войну за свою свободу с могущественной Русской Империей, имеет право на лучшую участь.
- III. Установление между всеми частями горского населения, живущего на Кавказе и в эмиграции, духовной связи, чтобы они жили общей национальной жизнью. Народная консолидация через развитие своей литературы, через образование на родном языке.
- IV. Русское царское правительство вынудило горцев в количестве 1½ миллиона душ к переселению в страны Ближнего Востока. Эти жертвы русского империализма, десятками лет живущие в невольной эмиграции, до сих пор не потерявшие ни обычаев, ни языка, ни любви к своей родине и, что всего важнее, связи с ней, — должны получить право и возможность возвращения на родину.
- V. Устройство горской государственной жизни на широких демократических основаниях в теперешнем европейском смысле этого слова.
- VI. Политическая независимость Северного Кавказа в составе независимой Кавказской Конфедерации. Общность исторической судьбы народов Кавказа и их взаимная экономическая заинтересованность и связанность, — вот основа общекавказской солидарности. Подготовить теперь же реализацию Кавказской Конфедерации — текущая задача органов Кавказа; первое условие для этого — признание необходимости делегирования конфедеративному органу части своих полномочий отдельными республиками Кавказа.
- VII. Кавказская эмиграция ушла от русских оккупационных армий белых и красных. Борьба за независимость требует жертв очень больших и тяжелых. Горцы верят в успех этой борьбы. В ней Азербейджан, Грузия и Северный Кавказ рассчитывают только на себя. Никаких других ориентаций нет. Поддержка извне найдена со стороны Украины и Туркестана.
- VIII. Горцы хотят мира, а не войны с соседями. Признание за Кавказом безоговорочного права на самоопределение должно предшествовать всяким соглашениям. Реализация окриков „а мы вас покорим

силой“, недопустима, пока существует Лига Наций. Горская интеллигенция, которой не было во времена Шамиля, ныне объединяет горцев и формулирует их национальные задачи.

- IX. Россия эксплуатировала природные богатства Кавказа (нефть), однако не давала Кавказу ничего взамен. Если Россия заинтересована в продуктах нашего края, то для этого существуют торговые договоры, по которым она может получить то, что ей нужно.
- X. Основные препятствия осуществлению идеалов горцев составляют:
 - а) русские империалистические тенденции, белые и красные, одинаково враждебные идее независимости Кавказских народов.
 - б) идея, что б. Россия представляет единое культурное и экономическое целое.
- XI. Территориальная программа горцев не сформулирована и не зафиксирована в каких бы то ни было государственно политических актах или политических программах. Фактически власть Северо-Кавказской Республики распространялась в разное время только на Дагестан, Чечню и Ингушетию, отчасти на Осетию и Кабардино-Балкарскую область и совершенно не распространялась на западные горские области: Карачаевскую, Черкесскую и Черкесско-Адыгейскую, входившие по особому соглашению в состав Кубанской Народной Республики. Отсутствие официально сформулированной территориальной программы создало в устном обращении разноречия, которые можно свести к двум основным вариантам: максимальному и минимальному. Первый вводит в границы Северо-Кавказской Горской республики все земли по левый берег Кубани (включая округа Черноморский, Майкопский, часть Екатеринодарского и Армавирского) и правый берег Кумы (округ Терский). Второй — минимальный — ограничивается введением в состав горской республики автономных областей и округов Северо-Кавказского Края и Дагестанской АССР в современных их советских границах, за исключением Адыгее-Черкесской и может быть Черкесской и Карачаевской авт. областей. Максимальная программа базируется на исторических правах горцев на земли по Кубань и Куму и на необходимости обеспечить землей имеющих возвратиться на родину полтора миллиона горцев-эмигрантов. Негорское население должно быть выселено на основах, аналогичных мероприятиям, проводимым в настоящее время Францией в возвращенной Эльзас-Лотарингии. Минимальная программа более придерживается современного этнографического положения и требует лишь исправления национальной череволосицы там, где негорское население расчленяет цельные горские территории. Этим исправлением череволосицы, равно как введением в состав горской республики негорских округов Дагестанской Авт. ССР. (Кизлярского и Ачикулакского) минимальная программа предполагает разрешить земельный вопрос, как для эмиграции, так и для местного перенаселения.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Хорошая, но неосуществимая идея.

(Вместо рецензии на книгу Н. Гольденвейзер-Любимова — „Да здравствует Эмиграция!“).

Прекрасно написанная и хорошо изданная маленькая книжка г. Гольденвейзера-Любимова производит странное, двойственное впечатление, впечатление смеси реального с утопией, здорового с нездоровым. Читая первую часть книги, часто думаешь: какая верная картина всего того, что было в б. Российской Империи, что есть сейчас в эмиграции. Умелый, здоровый анализ, смелые, даже дерзкие выводы, заключения. Веро-

ятно, русские „вожди“ от политики на страницах своих печатных органов подвергнут осмеянию эту часть книги за ее „научность“ и т. д., но мы этого сделать не можем, ибо многие положения автора доказывались еще раньше на страницах „В. К.“

Конечно, с некоторыми утверждениями автора можно спорить, отвергать, но нельзя отказать ему в хорошем знании тех глубоких, внутренних противоречий, не-

излечимых „болезней“, которые имели место в социально-экономической и общественно-культурной жизни б. Империи. На протяжении многих стран, автор яркими штрихами рисует картину „как „русская“ малая кучка интеллигентов“ реяла в небесах и как постепенно она превратилась в иностранцев для своего народа. Чувствуется искренность, когда автор на протяжении всей книги упорно призывает русскую эмиграцию, вернее, ее политических вождей, отказаться от напрасных, бесплодных споров о прошлых грехах своих и от бесплодной борьбы по вопросу о форме будущего государственного строительства России, а заняться вопросом настоящей судьбы эмигрантов, реальным делом. Прежде и важнее всего реальность. Но, когда читаешь вторую часть книги, посвященную этому „реальному делу“, то невольно думаешь: реальность, построенная на нереальности, — неосуществимая идея.

Книга начинается длинной цитатой из рассказа Куприна „Стрекоза и Муравей“. Аллегория „Стрекоза“ — это русская интеллигенция, а „Муравей“ — народ.

„Вот, — думал я, — стоим мы, малая кучка интеллигентов, лицом к лицу с неисчислимым, самым загадочным, великим и угнетенным народом на свете. Что связывает нас с ним? Ничто. Ни язык, ни вера, ни труд, ни искусство. Наша поэзия смешна ему, нелепа и непонятна, как ребенку. Наша утонченная живопись — для него бесплодная и неразборчивая пачкотня. Наше богоискательство и богостроительство — сплошная блажь для него, верующего одинаково свято и в Параскеву-Пятницу и в лешего с башенником, который водится в бане. Наша музыка кажется ему скучным шумом. Наша наука недостаточна ему. Наш сложный труд смешен и жалок ему, так мудро и терпеливо и просто оплодотворяющему жестокое лono природы. Да. В страшный день ответа, что мы скажем этому многомиллионному ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану? Ничего. Скажем с тоскою: „Я все пела“. И он ответит нам с коварной мужицкой улыбкой: „Так поди же попляши“.

Это пророчество Куприна, высказанное им еще до войны, буквально сбылось, и русскому высшему классу пришлось здорово и до сих пор „плясать“. Автор утверждает, что иначе и быть не могло, ибо „в довоенной России интеллигенция, чиновничество, офицерство, помещики, купцы, фабриканты были для народных масс иностранцами, говорящими на чужом языке и живущими чужой жизнью... Русское образованное общество в России было в том же положении, что и англичане в Индии... Оно находилось на положении чужеземных властителей в завоеванной стране... Ему было в высшей степени свойственно глубоко и бессознательно презирать русские народные массы...“.

Подобные бесспорные положения автор выставляет в первой части своей книги. Но можно ли считать бесспорными эти положения в применении к интеллигенции других народов, входивших в состав б. Империи, в частности к интеллигенции Казачества?

Вообще, Казачество было бедно своей интеллигенцией. Часть ее, бессознательно подчиняясь веками установившейся казачьей традиции, вкладу жизни, быту, основанному на принципе равенства, братства, никогда не разрывала тесной, органической связи со всей казачьей массой, считая себя не высшим, а таким же равноправным членом Казачьей Семьи. Между этой частью интеллигенции и всей казачьей массой не было никакого отрыва.

Но, другая часть казачьей интеллигенции, подчиняясь „колониальной“ политике Москвы или Петрограда, сводившейся к отбору всех лучших, образованных, энергичных элементов у подчиненных народов и отправке их в другие края, чтобы результаты их ума и знания не пошли на пользу родного им народа, — уходила из Казачьих Земель в другие края и отдавала все плоды своего ума, образования и энергии на пользу господствующего народа, на усиление, укрепление колониальной политики правительства этого „господствующего“ народа. Как ни грустно подобное явление, но

нужно признаться, что в прошлом было так. Но, нужно надеяться, что в будущем так не будет.

Что такое большевики, кто их придумал? — задает вопрос автор разбираемой книги. И отвечает: „Это кошмар, померещившийся русскому образованному обществу: карамазовский „черт“, двойник, вызванный к жизни, угрызениями совести, мучившими в течение двух столетий верхние классы „русского общества“, иными словами — само высшее русское общество, вернее, — создание его фантазии.“

„Народ придумал Станьку Разина, Емельку Пугачева. А декабристов, народолюбчество, марксизм, „Бесов“ придумали дворянство, чиновничество, интеллигенция, богатые купцы, адвокаты, студенты“. Большевики — прямые наследники „Пестеля с Писаревым“. Поэтому большевики являются органической частью того чуждого и ненавидимого народную массу высшего русского общества, вот почему „язык, вера, искусство и труд“ большевиков являются также чуждыми, далекими, непонятными для народной массы. „Ибо, расхождение, отделяющее народ от большевиков, — тождественно с расстоянием, отделявшим народ от образованного общества Петербургской России. Большевики это — нечто иное, как alter ego, теперешней эмиграции, или, иначе говоря, — русское образованное общество 19 и начала 20 веков, доведенное ad absurdum. Сперанский, Аракчеев, Пестель, Рылеев, Лорис-Меликов, Победоносцев, Витте, Плеве, Милюков, Сухомлинов, Чcheidзе, Крупенский, Керенский, Чернов и Ленин по своим вкусам, навыкам, способам мыслить и веровать, — бесконечно ближе друг к другу, чем к огромному большинству мужиков, мещан, ремесленников или чернорабочих“.

Всю „бесконечную перебранку между политическими лидерами эмиграции“ автор называет: „милые бранятся — только тешатся“, ибо сотни раз „в действительности менялись и продолжают меняться“ самые святы „убеждения“, а „культурные навыки“ „язык, вера, труд и искусство“, несмотря на неслыханные испытания, муки, потери, перемену всей внешней обстановки, все те же“.

Словом, русский народ складывался из двух неравномерных слагаемых, взаимно друг другу чуждых: из многомиллионного забитого, невежественного, бесправного русского населения („Муравей“) и немногих по численности чужеземных колонизаторов, — „маленькой кучки интеллигентов“ — („Стрекоза“). Между этими двумя частями не было ничего общего, ничто их не связывало. И как бы эти интеллигенты теперь между собою не ругались, внешне друг друга не поносили, они духовно остаются близкими едиными, крепко спаянными „языком, верой, трудом и искусством“, а вместе с тем все части этой „кучки“ были „совершенно и одинаково чужды народным массам“.

Причем, эта „Стрекоза“, чуждая, презирающая и ненавидящая русского мужика, создала русскую культуру, в развитии которой „народ в своем огромном большинстве никакого участия не принимал“. Она („Стрекоза“) „и есть единственно подлинная, уже существующая и общепризнанная во всем цивилизованном мире „Россия““.

„Все остальное — либо географический термин, либо международное политическое понятие (Российская Империя, точно также, как „British Empire“ — меняющийся, переходящий конгломерат), целиком принадлежащее прошлому, ибо на его месте царит международно признанный URSS; либо более узкий этнографический термин, обозначающий великорусское племя и поэтому совершенно несправедливый и не имеющий права претендовать на создание русской культуры в целом“.

До 1917 года „Пение“ и „Пляска“ этой чуждой народу „Стрекозы“ определяли жизнь народа — „Муравья“, претензии которого „на роль хозяина в своем доме могли быть основаны исключительно на его физической силе по отношению к „малой кучке“. Эта маленькая кучка, находившаяся в России „на положении иноземных завоевателей“ и была „Россией“, все остальное — воск, из которого можно лепить какую угодно фигуру, как теперь вылепили СССР. Конечно, для

такой „лепки“ нужны были известные условия. Развитие благосостояния, просвещение, колонизация, международная мощь России должно было уравновесить и оправдать двухсотлетнее иноземное владычество. Нужно было „проявить“ такие блестящие заслуги и достижения таких очевидных результатов, которые непоколебимой необходимостью доказали бы народным массам преимущество и желательность руководства дальнейших судеб России этой самой „маленькой кучкой“.

При разумной политике это „равновесие“ было достижимо. Но, вследствие многих причин, внешняя мощь подорвалась, „развитие колонизации“ прекратилось и пришло время, когда „Мурaveй“, „одурманенный восточным сознанием своего грубого, чисто физическою, численного превосходства“, грозно крикнул „Стрекозе“: „ты все дела — так поди же подымай“. И „Стрекоза“ беспрекословно подчинилась этому „безумию“ и со свойственным ей легким сердцем пошла „петь“ и „плясать“ по всему миру.

Но, этому безумному „ндраву“ русского „Мурaveй“ противостали гордые сыны Казачества, защищая свои Земли, свое право на самостоятельную, свободную, вольную жизнь, оберегая свой уклад жизни, свой народный быт, и в течение трех лет, истекая кровью, направляя все свои силы, вели страшную, кровавую борьбу. Но, сила солому ломит. Русский „Мурaveй“ своей многочисленностью (при помощи измены и заблуждения части Казачества) подавил казачью народную борьбу и привел все другие народы под ножи большевиков, которые „спасли“ Россию от продолжительной анархии, „сохранили“ большую часть государственной территории и международного престижа. Если на территории СССР сохранилось что-либо от культурной России, то не наперекор большевикам, а благодаря большевикам. Они спасли русский народ от несмываемого позора длительных и откровенных, совершенных народными массами зверств...

Одним словом „группа Ленина — плоть от плоти и кость от кости тех же самых образованных классов, которые создали русскую культуру“, кровью и железом подавляя все народы, подчиняя их Москве, переходя „от старого режима к восстановленному владычеству бюрократии“, — делала русское дело, дело собирания Руси... И в этом утверждении нет, даже по существу, ничего нового. Первый раз „русские народные массы“ хотя бы лишь на одно историческое мгновение нашли общий язык с большевиками... Большевикам, этим „узколобым фанатикам“ удалось в этот момент взнуздать обезумевшего и закусившего удила коня. Удалось даже оседлать коня и удержаться в седле в течение десяти лет...

„Сохранение целостности Империи и спасение незаменимых культурных ценностей, ставшее возможным только благодаря своевременному перемещению центральной власти в Москву... Это заслуга большевиков... Это есть ничто иное, как продолжение культурной традиции русских образованных и правящих классов“, т. е. выполнение тех условий, при которых „иноземные владыки“, колонизируя новые территории, создавая внешнюю мощь, вооруженную силу, могут управлять завоеванной страной.

Что же касается идеи большевизма, коммунизма, то это все сказки. „То, что есть — есть длящееся, недоразумение. Большевизма просто не может быть, и, строго говоря, никогда и не было“.

Указания на жестокости большевиков — детский лепет. Управлять завоеванной страной в белых перчатках нельзя. Тем более жестокость — историческая традиция правителей России. Жестокости большевиков в сравнении с тем, что было раньше — детская игра.

В истории создания Российской Империи было немало таких этапов, перед которыми зверства и жестокости большевиков кажутся детским лепетом: судьба Новгорода и многих удельных князей и княжеств, опричнина и развлечения Иоанна IV на лобном месте; изысканные казни стрельцов и Петербург, построенный буквально на костях десятков тысяч умученных рабов, а также современное этому святотатственное обезглавление Православной Церкви; почтенная деятельность Бирона; усердная администрация Павла I; Аракчеевщи-

на; тупоумное зверство Николая I; подавление польского восстания и, наконец, карательные экспедиции и военно-полевые суды 20 столетия. Все это представляет собою такую невыразимую словами бездну ужаса, свирепости, садизма, бессмысленных и бесчеловечных издевательств, что попытка создать главный аргумент против „большевиков“ из их кровожадности и жестокости не может быть объяснена ничем, кроме, м. б., бессознательной демагогии...

Для тех, кто веками привык к „бессмысленным и бесчеловечным издевательствам“, кто своим горбом, своей кровью добровольно помогал, водрузил и укрепил власть тех, кои не знают иного метода управления, кроме невыразимой словцами „бездны ужаса, свирепости, садизма“, — для тех большевистские жестокости, конечно, детский лепет. К тому же, они делают русское дело, дело сохранения под властью Москвы народов, дело колонизации.

Но для Казачества, никогда не знавшего рабства, ставившего человеческую свободу, человеческое достоинство выше всего, всегда боровшегося против жестокостей правителей, и в недавнем прошлом с оружием в руках, отстаивая свою свободу, боровшегося против новой жестокости, против новых колонизаторов Казачьих Земель и пролившего потоки казачьей крови, — подобные смягчения вины, преступления большевиков, делаемые г. Гольденвейзер-Любимовым, неприятны, неприемлемы.

Так оправдываются дела и действия большевиков, видимо, потому, что они делают русское национальное дело, дело подчинения народов Белокаменной Москве, ценою кровавого подавления, обезоруживая и заставляя молчать их. Что касается молчания самого „господствующего“ великорусского Народа, то он давным давно привык к покорности, рабскому молчанию, лишь через века выявляя свой „ндрав“. А пока что его именем будет управлять и укреплять „Великую Россию“, этому народу чуждая, его презиравшая „левая часть“ единой, крепкой „малой кучки интеллигентов“ — „Стрекоза“. Не беда, что это делается под вывескою СССР, а важно существо самого дела.

Так блестяще охарактеризовав прошлые взаимоотношения верхов и низов русского народа, их „разностояние“, определив работу большевиков, как культурную историческую миссию, как „неизбежный этап в развитии русской культуры“, автор переходит к верной и убийственной характеристике многочисленных „вождей“ всех оттенков... „бывших руководителей русской дореволюционной политической мысли, которые и по сию пору пытаются делать российскую политику в Белграде, Варшаве, Праге, Берлине, Париже“, и к щедрой похвале всей остальной эмигрантской массы, которая „дала блестящее и бесспорное доказательство своего всестороннего превосходства перед изгнавшими ее народными массами...“, яркий пример выносливости, трудолюбия, энергии, инициативы и высокой культуры...

Эта эмиграция была и есть соль русской земли. Ничего подобного эмиграции не только по уму, таланту, образованию, техническим знаниям, но и по энергии, трудоспособности, порядочности, хорошему вкусу, воспитанности и благородству на территории СССР вновь не возникло...

Но, у этой эмиграции есть свои злые гении — „вожди“ политические, у которых „беззаветно люблю родину — только до тех пор, пока родина отвечает моим хотя бы минимальным и самым элементарным моральным, духовным и материальным потребностям. Если же моя родина превращается в страну торжествующего хама, то я продолжаю любить прошлую мою родину и мечтаю о ее будущем, но моей родины в ее настоящем виде не люблю“...

Поэтому лозунгом лучшей, деловой части эмиграции должно быть: „Долой мировоззрения“ и политические программы! Долой генералитет от политики и от публицистики! Долой бесцельную тиранию присяжных ораторов и газетных передовиков!“

Ибо „вся проповедь этих „вождей“ сводится ко взаимным обвинениям в прошлых грехах и к обсуждению будущих форм политического и социального устройства России“ и наблюдается „совершенно одинаковое

и полное отсутствие в них каких бы то ни было конкретных планов практической деятельности в настоящем“.

„Но что же делать в настоящем людям, находящимся вне России?“ — задает автор вопрос. И отвечает, поставив отдаленным идеалом „триумфальное возвращение на родную территорию сильной, уважаемой, знающей себе цену организованной эмиграции“, — сейчас же приступить к подготовке возможности „одновременного возвращения организованной эмиграции на заранее готовое для нее почетное место“.

Эта подготовка даст нужные результаты при одном непрелюбимом условии, когда эмигранты, отказавшись от бесплодных споров о форме социально-политического устройства будущей России, немедленно приступят к практической деятельности по „организации и объединению разрозненных усилий в областях экономической, общественной и просветительной“. Эмиграция должна превратиться в „единый „общественно-экономический организм“, доказать миру свою жизнеспособность, умение самим себе помогать, свою силу, мощь и тем „завоевать себе такое положение, при котором сочувствие, содействие и деятельная помощь со стороны иностранцев станут естественными и неизбежными“, ибо „только люди пытающиеся и умеющие сами себе помогать — имеют право рассчитывать на чужую помощь“.

Практическое предложение автора сводится как бы к тому, чтобы созвать второе издание Зарубежного С'езда, но без политики. И хочется сказать: „в новизне твоей — старина слышится“. Далее он рисует заманчивую картину возможных блестящих результатов от такого объединения всей эмиграции. Желания понятные, цели благородные, но, как говоряг, добрыми пожеланиями и дорога в ад вымощена. Нельзя объединить необъединимое. Вся положительная программа автора кажется реальностью, основанной на нереальности, здорвой, но не осуществимой идеей.

Автор слово „Эмиграция“ всюду пишет без прилагательного. Всюду настойчиво ограничивается двумя терминами: Россия и Эмиграция. Повидимому, все эмигранты вышедшие из СССР, для него являются русскими эмигрантами. Но мы знаем, что эмиграция состоит не из одних русских (великорусских) эмигрантов. Но, как раз именно в приложении к этим последним практические предложения автора, не реальные, утопичны. По признанию самого автора, пока живы старые политические „вожди“, занимающиеся бесконечным, бесплодным спором о форме государственного строительства буду-

щей России, невозможна никакая практическая, полезная в настоящем, работа. Пропасть между русскими „вождями“ и народной массой бездонна. При том, в руках этих „вождей“ могучее орудие воздействия на массу — вся русская эмигрантская пресса. Что с ними делать? Ждать их вымирания? Пришлось бы ждать очень долго...

Но предложения Гольденвейзер-Любимова могут стать очень реальными в применении к казачьей эмиграции. Эта последняя, за исключением отдельных лиц, крепко связанных с русскими политическими партиями, является единой, крепкой, думающей одну думу, стремящейся к одной цели, дружной, спаянной казачьей семьей. В ней все казаки являются равноправными членами, нет высшей касты, нет париев. Какую-бы социально-политическую религию не исповедывали казаки, они внутренней духовной связи не теряют. Сила многовековой исторической традиции, независимой свободной жизни побеждает в казаке все временное, наносное, и в конечном итоге через все это наносное победно выступают казачий дух, казачье сердце. Кроме того, казаки легко могут отказаться от ломания копья из-за бесплодного спора о форме будущего казачьего государственного строительства. Для казаков важна одна основная цель, дорог основной идеал, их души поют в унисон об одном: о возрождении Свободного, Вольного Казачества. А Освобожденное, возрожденное Казачество сумеет избрать нужную и достойную себя форму государственного строя...

Все это вместе взятое устраняет для казачьей эмиграции то роковое препятствие, мешающее русской эмиграции превратиться из „общественно-экономического хаоса эмигрантской жизнедеятельности — в общественно-экономический организм“.

Нужны только инициатива, умение, энергия тех казаков-эмигрантов, которые для занятия этим делом располагают временем и умением, с одной стороны, и добрая воля, осознанная необходимость со стороны казачьей эмигрантской массы, с другой,

Тогда, при общем усилии, возможно будет создание и таких организаций, как Общество Взаимного Страхования и Взаимного Кредита, создание центрального и сильного казачьего печатного органа и т. д. и т. п., чем и доказать всему цивилизованному миру свое казачье умение при всех условиях жизни прочно устраивать свою судьбу, казачий успех, ибо... „Успех — это единственный критерий, по которому будут судить эмиграцию“ там и за границей...

Ковак Бидолага.

Трагедия Кубанской Армии.

(Ко дню десятилетия 1920—1929).

(Окончание).

Офицеры написали первые анкеты в Туапсе. Было 38 вопросов — разных и idiotских. И потом их вновь писали много, много раз, в нескольких экземплярах и в каждом городе, куда нас посылали.

В Екатеринодаре писали вторые анкеты. Тут-же запросили желающих драться против поляков. Записалось много. Но думка была волчья. Приблизительно на третий день, под конвоем, был вселен к нам и генерал Морозов. К чести его, начиная с Екатеринодара — он гордо, порою вызываясь держал себя пред всеми красными.

Мы ему за это многое простили, хотя вначале его именно мы считали виновником сдачи на Черноморском побережье.

Неожиданно всех штаб-офицеров и генералов отправляют в Ростов, в штаб округа, где, яко-бы, дадут назначение на польский фронт. Отнеслись почти доверчиво, а в особенности, когда нас с достаточным комфортом разместили в пассажирских вагонах III-его класса. Это первая группа старших кубанских офицеров, до 80-ти человек, во главе с генералом Морозо-

вым прошла удивительные этапы советской неволи, ничем не пострадала (никого не ограбили, не били и не убивали), была как-бы оберегаема... Группа вела себя замкнуто, спокойно, тактично и серьезно и оставила хороший след за собою, даже в глазах красных верхов. Укажу на два случая, весьма характерных.

В г. Костроме, когда нас перевели из тюрьмы и прикомандировали к запасному полку, нам всем выдали почему-то медные котелки, тогда как солдаты имели обыкновенные. По привычке-ли, иль уж так мы были аккуратны, но — всегда, после еды, каждый чистил свой котелок и натирал его песком, отчего он блестел невероятно; но у солдат (красноармейцев), конечно, не то, — так засаленные и оставались. И вот, когда мы попадали в „очередь“ к котлу, кашевары, конечно, не могли не заметить этого и тут-же, открыто, громко, вслух бросали: „вот видно, что люди прибыли — котелки то какие чистые, а это красная б..... так и ест с з....“

А другой случай: в Екатеринбурге, где было расбросано (после тюрьмы) на службу по разным учреж-

дениям и управлениям несколько сот белых офицеров, где большая половина была кубанцев — вспыхнуло Кронштадтское восстание. Мы о нем, конечно, ничего не знали. В Екатеринбург почему-то прибыл Троцкий. Видимо, восстание просто его там застало. У них было спешное заседание по поводу восстания. И вот, на требование местного „чека“ вновь запретить в лагерь всех белых, пока восстание не будет подавлено, — защитником нашим оказался сам Троцкий, которому местные коммунисты всех Екатеринбургских учреждений не могли нахвалиться на нашу трудоспособность и „лояльность“. Доля правды была. Многие из нас заняли видные посты (конечно, в гражданских учреждениях), вплоть до секретарей и начальников канцелярий.

Группа в Ростове. Но, ни в какой штаб округа нас не повели, а к ночи препроводили в загородный концентрационный лагерь, который битком был наполнен разными белыми и настолько, что жить пришлось под открытым небом, на дворе, спать вповалку, подмостив под голову и бока все, что было. Бурочка казачья была неизменным ложем, подушкой и одеялом...

В этом лагере определенно изнуляли пленников и настолько, что не давали воды.

Морозов запротестовал: „Мы воины, побеждены, сдались „добровольно“. Чека удивилась, рассмотрела протест и — „как весьма солидных военачальников, кои не могут быть „назначаемы“ на польский фронт“, так же спешно, но уже с наименьшими удобствами и в товарных вагонах — отправлены в Москву.

Там, продержав в вагонах 3 суток, с резолюцией из Кремля — „В Костромскую губчека для фильтрации Деникинских офицеров“ — отправили по назначению. Перспектива польского фронта со всевозможными планами и надеждами рассеялась, а слово „фильтрация“ звучало слишком многозначительно.

Вот и Кострома. С вокзала на пристань, потом паромом через Волгу и в „чека“. Нас там рассматривали не без удивления, а в особенности, почему-то, генерала Морозова. Все мы загорели, почернели и от грязи, и от думок, не говоря уже о том, что против костромичей мы выглядели весьма смуглыми. А тут еще неведомые костюмы — папахи, бешметы, бурки. И настолько наш вид был там неведом, что одна старушка долго всматривалась в нас, и вдруг подходит и спрашивает: „чай вы не китайцы-то-о...“

Вот она „Рассея-матушка“ и темь беспросветная...

Мы в тюрьме. В общих камерах; довольно просторный двор; кругом стены сажени в 3 вышиною. Тюрьма старая, так сказать, старорежимная. Жаркая русская баня, а над камерами, из тюремной церкви строят театр. Еще незакрашены угодники и ангелочки на стенах, но сцена уже готова и хоть... играй.

Смех и слезы... Перед воротами тюрьмы, по ту сторону реки Костромки, тут-же впадающей в Волгу — красиво высится Ипатьевский монастырь. Бывали мы в нем и видели старинный терем царя Михаила Романова.

Потекли денечки. Весь левый берег завален плотами. „Кто не работает, тот не ест“, — один из лозунгов большевиков. И вот, как обязательство — „арестанты“ должны работать. Выдали пилы. Мы уже сами разбили на партии и — завизжали пилы. Да и как не работать. Кормили впроголодь. Пища — один кошмар; суп с таранью, да $\frac{3}{4}$ ф. хлеба на человека. На работе „выпиливали“ до 1 ф. муки на брата. Было тепло; вещей с собою захватили все, что было. Но, скоро все обтрепалось. В особенности обувь. И вот... казаки узнали, что такое лапти!.. Лыковые лапти... Картина была, дивная. И на работу и после работы всех выстраивали и перекликали в порядке чинов. Морозов стоял первым. Так потом пропускали и впускали в узенькую калиточку громоздких тюремных ворот. И вот идут — в папахах, в расстегнутых гимнастерках с пилами лопатами и калунами в руках генералы: Морозов, Хоранов, Мальчевский, Бобряшев, а за ними, гуськом — целая вереница полковников, все командиров частей и... все в лаптях, с обмотками...

Констатирую: лапти, обувь прохладная и легкая, но в мокрую погоду никуда негодится.

Генерал Морозов вновь запротестовал. Протесту

вняли. Он, с двумя представителями от нас, вместе, в одном вагоне, с председателем губернской чека выехал в Москву. Был принят в Кремле и привез распоряжение освободить нас и прикомандировать к местному запасному полку на правах воинов. Освободили, прикомандировали и разрешили ходить на вольные работы, а через короткий промежуток времени отправляют в Москву „на политические курсы“.

На одном из вокзалов Москвы встречаем 3 эшелона Кубанских офицеров. Эго все те, кто оставался на Кубани после нас. Во время десанта из Крыма им было приказано в один из дней прибыть в отделы на „регистрацию“, а оттуда не только что никто не вернулся домой, но редко, редко кто остался в живых.

Их всех потом отправили дальше в Холмогоры и почти поголовно, самым зверским способом уничтожили. А их было до 6-ти тысяч. Среди них были: офицеры Кубанского военного училища во главе с начальником училища генералом Диденко, офицеры Кубанского учебного конного дивизиона и такие молодцы, как Лопатин и Демянник (оба Корниловского полка), начальник артиллерии — терец полковник Скороходов и много, много других, начиная от глубоких старшин в отставке с 1877 г. и кончая станичными атаманами, чиновниками и вольноопределяющимися.

Нашу группу разместили вначале в больших светлорозовых „Александровских казармах“ где уже было тысячи две др. „белых“ офицеров, преимущественно Армии адмирала Колчака, а потом перевели в более мрачные „Астраханские казармы“.

„Политические курсы“ уже существовали. Польская армия отселяла красных к Смоленску. Красным нужны были специалисты, опытные офицеры. Прохождение „политической грамоты“ шло ускоренным темпом. От нашей группы немедленно-же выделили офицеров специальных родов оружия — артиллеристов, саперов, Генеральный штаб и отправили на курсы. Туда вошел и ген. Морозов, которого там-же пригласили преподавать тактику, но из группы не выделили и он продолжал оставаться „на солдатском положении“. Одновременно на курсах были и все члены Рады, кто был в офицерских чинах.

Членов Рады еще из Туапсе, пассажирским поездом, отправили в Екатеринодар, а потом, немедленно-же в Москву. Цель — извлечь с Кубани все то, что еще могло „вредить“ красному насилию. В Москве их поместили в какое-то советское общежитие, прилично кормили и вообще — обращались с ними вначале сравнительно не плохо.

На „курсы“ торопился из нас каждый. Первая причина — попасть на фронт, а там „поле деятельности“ „расширилось“... а во вторых — попасть в лучшие условия жизни, где достаточно хорошо, по тогдашнему времени, кормили и выдавали солдатское обмундирование.

Курсы помещались на Арбате, в помещении бывшей гостиницы „Прага“. Там-же было и общежитие, довольно сносное. Начальником курсов был Генерального штаба полковник Жуков.

Лекторами были: по военной истории ген. Верховский, по авиации — полковн. Готовский, по тактике — ген. Войцеховский; это — главные. Генерала Морозова, по окончании курсов пригласили читать тактику в Красную Академию Генерального штаба. Там-же, при академии, ему была отведена маленькая комнатка, где он и жил, и долго потом, нам еще в Сибирь, аккуртно отвечал на наши запросы. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

В конце сентября (1920 г.) на курсы была зачислена вся наша группа. Всего было „курсантов“ свыше 500 ч. Всех разбили на три группы — по чинам и занимаемым в прошлом должностям, и соответственно рангу — преподавали военные науки.

На „политическую грамоту“ собирали всех в общей зале и целых 2 часа какой то „волосатый“ политрук, как пулемет, внушал нам доктрины коммунизма... Признаться, многие дремали, мы-же „ловчились“ в эти часы где-нибудь, в частном доме, работать (больше пилка дров) что-бы заработать на одежду, т. к. были не только легко одеты (чевяченки с ноговицами, шапчен-

ка, гимнастерка — почти и все), но уже и обтрепались донельзя.

Лучшие лекции были Верховского. Зал всегда был полон. Он читал военную историю от Петра I и до наших дней, параллельно проводя и французскую революцию, давая как-бы намек, что все пойдет так, как было и во Франции... Так, по крайней мере, мы все его понимали; а в коридорах он с нами говорил просто, как, вообще, говорил военные при встречах, ранее и незнакомые, у которых, как в обобщенной касте — всегда есть общие вопросы, интересы и цели.

Все лекторы во время чтения лекций обращались к нам со словом "товарищи".

В 20-х числах октября курсы были закончены. Мы получили новое обмундирование: серые репанные солдатские шапки, шинели из всевозможных, цивильных сукон, (видимо конфискованного сукна), гимнастерки, шаровары, сапоги.

Все солдатское и самое низкого качества. И когда нарядились, то... перестали узнавать друг друга. И действительно, костюм переменыл весь облик казачий, вызывая среди нас и смех, и тоску, и думишку печальную.

По случаю окончания курсов там же, в "Прате", был устроен концерт. Бал, на котором выступил и нас же, довольно сильный кубанский хор под управлением регента Замулы — офицер из Аяаы, служивший в пластунах. Конечно, не обошлось и без "лезгинки". Говорить о настоящей веселости не приходилось.

С пустою душою разошлись мы по своим общежитиям, не зная, что будет "завтра". А на утро — курсы были отсечены "чека"; во всех коридорах вооруженные курсанты кавалерийской школы. Выход на улицу запрещен. Всех согнали в общую залу, ввели часовых и какой-то мальчуган в военной форме кавалериста, в кубанской шапечке с красным верхом, развязный и позирующий, учинил опрос — регистрацию: какой чин, какой армии, чем командовал и пр.

Наличие многочисленной стражи и резкий тон опрашивающего — навел на весьма неприятные мысли... А в следующую ночь, ровно в полночь, разбудив всех, приказали собрать вещи и выстраиваться. Куда, что, почему, — никто не знал, да и спросить было нельзя. Ажкий холод, снежная пурга, валявшая людей с ног; массивною толпою, под конвоем целого пешего эскадрона курсантов, двинулись мы, куда-то по улицам...

И что это было за путешествие!..

Бедные наши старики, полковники под 60 лет, плохо одетые, с узлами — они изнемогали... но нас куда-то все торопили. Наконец, остановились — го был, кажется, Рыбинский вокзал (товарный). Все затесано снегом, мороз крепчал. От быстрой ходьбы все разгорячились и... — ровно до обеда ждали вагонов. Нужно было только придумать такое издевательство, жестокость...

Громоздким эшелонам "курсы" были направлены в Екатеринбург. Пол-состава поезда было с др. офицерами. Нас держали в относительной свободе. Иначе было с другими. Они были заперты в вагонах и все естественные надобности проделывали в щели, проделанные ими перочинными ножами. И только на больших станциях открывали двери и давали им черный хлеб.

Причина столь неожиданного перемещения "курсов", как потом говорили, такова. Поляки, разгромив красных под Варшавою, запросили очень много за мир. В Кремле, одна часть правящей партии настаивала на продолжении войны, а другая — за мир. В прениях дело настолько обострилось, что боялись, как-бы та сторона что стояла за войну, не использовала бы для выступления "белых" офицеров, томящихся в Москве, которых к этому времени там числилось по всем тюрьмам и казармам до 10-ти тысяч человек.

В одну ночь всех их вывезли из Москвы, пустив наибольшую группу — в Архангельск и Соловки.

В Екатеринбург нас разместили в здании бывшего Епархиального училища, в котором при белых была Академия генерального штаба. Кирпичное двух-этажное здание, с подвальными помещениями, неотапливаемое

и все замурованное снегом в потную сибирскую зиму — оно было новою пыткой для нас.

Нас, буквально, заселили паразиты. Постановили уничтожать их живьем, сжигая в углях. И вот, в каждой каюте (до класса), по углам, несколько десертных подугольных дощечек, сидя на нарах и закутавшись кто-чем попало, упражнялся на ногтях. Но зато, по вечерам, выйдя в длинный и просторный коридор, свою нудную горькую — заливали песнями, казачьими-эпическими.

Оставили помещение для более "преступного" элемента, нас, как "курсантов" (до 500 д.), перевели в исторический дом — Привалова, который раньше был...

Он стоит на Вознесенской площади, на самом шпигеле подема, идущего от вокзала. Громадное белое здание с колоссальными многоэтажными балконами. В то время, нагрезненными коконами со всех сторон окружающими, как-бы, устоями всего здания и огромным парком, да еще, далеко куда-то спускающимся книзу, в пруду — от него веяло какою-то таинственностью. Против него дом куша Ипатьева, где черескря уничтожена была вся царская семья. Исторические места.

И потянулись вновь, скучные, однообразные и голые дни...

А город почему-то все пополнился "белыми" пленниками и преимущественно "Кубанцами". Их согреблось здесь уже до 500 человек. В своих "кожухах" и неизменных черных папках, при случае, на улице — они ярко выделялись меж белых заячьих треухов горожан.

Прошло через город еще три поездных эшелона с Кубанцами, исключительно урядниками. Их отправляли на принудительные работы куда-то дальше, на соляные копи. Обескровленную Кубань новая власть доганчивала и еще...

Бесконечное недоедание, в бездельи и холоде, довело до того, что мысли о желудке, о хлебе — затемняла все прочие вопросы, желания. Большим утешением для нас был наш хор казачий, который уже гремел по городу. Кажется не было ни одного вечера, куда-бы он не был приглашен выступить. Человек сорок, в папках и кое-каких еще сохранившихся казачьих костюмах, бывало гаркнул они "Закувала"...

В стужу, в ночь глухую, и туда и обратно, под конвоем, и на награду — фунт хлеба на каждого хори-ста... И как этому были еще рады. Во 1) — проидет-ся, а во 2) — там, бывало, и покурмее-немного. А при-дешь домой, достанешь из кармана этот драгоценный кусочек, ласково посмотришь на него, половину тут же съешь, а вторую оставишь брату, который сжегившись комочком, спит здесь же на бурочке...

Хор стяжал себе добрую славу даже среди "влас-тей", показав им воочию, что казаки это какой-то особенный народ, фовнящийся и во складу души и во музыкальности от россиян. Бывало, на заводских вечерах, в длинных сибирских "дохах", вооруженные до зубов, со всевозможными ремнями через плечо, по-барски развалившись в креслах первого ряда — сидят целый ряд важных чекистов и до конца выслушивают каждую песню, каждый ритм, каждое слово, каждый звук казачьей песни... И только, один раз, главный комиссар просил в песне "А вже літ більш двісті" слова "під московським караулом" заменить другими. Нельзя "під турецьким". И характерно — он вежливо просил это сделать, т. к. не того; неудобоваримо им было это слушать. Да и пахло пропагандой, призывом к борьбе.

При нас же, из Епархиального училища, в полночь, наспех, извлекли группу колчаковцев, где был один мой друг по училищу и, видимо, уничтожили, т. к., о них абсолютно простыл след...

Наконец "курсы" за ненадобностью закрылись. Мы дали и еще один "выпускной" концерт в просторном и удобном зале музыкального училища. В последний раз со сцены, рыдая казачьими песнями, наш хор кубанский, вещая скорую и последнюю разлуку меж друзьями и долгими соратниками — разлуку последнего осколка Кубанской Армии...

15-го декабря 1920 г. всех нас "распылили" на

службу по многочисленным тамошним заводам и уч-реждениям.

Переписчиками, дисарями, секретарями, заведывающими канцелярией, отделами, инструкторами спорта, в санитарные, летучки, в государственное коннозаводство и т. д. и т. д. И куда только нас не втиснули. Даже были случаи назначения в их секретные отделы.

И вот, с этого числа, оборвалась, прелестная нить,

что физически связывала нас и между собою и с Кубанской армией.

Это было последнее ядро, последний физический осколок от армии, непожелавший у Сочи спастись персонально и добровольно оставшийся разделить тяжкую долю со своими казаками, с которыми делили радости побед и с кем потом были прижаты к морю...

Все они, чаще страданий выпили до дна...

Сергей Макаев.

Константинопольские картинки.

III. В общежитии.

В Константинополе, в его обширных окрестностях, было более двух десятков общежитий для русской и казачьей эмиграции. Все казенные здания, заброшенные почему либо союзными войсками, приспособлялись для общежитий. В каждом из них имелся комендант и небольшая команда для обслуживания и наблюдения за порядком.

Чтобы попасть в общежитие, необходимо было обратиться в посольство, где один из столов, специально выданный распределением эмигрантов на жительство, выдавал вам билет на право вашего водворения. За неимением мест, комендант не принимая, вы принуждены были идти обратно в посольство просить в какое нибудь другое и, наконец, попадали в Дольма-Бахчу. На этом общежитии и остановим наше внимание.

Дольма-Бахча — самое «демократическое» учреждение в беженском Константинополе. В истории Дольма-Бахча не было случая отказа за неимением мест, или по каким нибудь другим причинам, а также и не требовалось особых бумаг от посольства, или протекции от власти имущих лиц и учреждений и «личных знакомств». Комендант, старый полковник в туго затянутой черкеске, с георгиевским крестом на груди, мило и ласково встречал каждого вновь прибывшего, записывал в реестр, зачислял на довольствие и этим дело кончалось.

Здесь были эмигранты всех рангов, положений и сословий: от генерала до солдата, от писателя и артиста до рабочего и от сенатора до простого писателя включительно. Про политические убеждения и говорить не приходится, ибо у каждого трех человек — пять партий. Даже казаки, резко разделившиеся на две партии: на «черноморцев» и «линейцев», то-есть на сепаратистов и автономистов, с голодой засасывались иногда в русскую политическую грязь.

В общем, публика была разношерстная во всех отношениях.

Общежитие помещалось близ Дольма-Бахчинского дворца на берегу Босфора, в бывших суданских конюшнях, в старом двухэтажном здании, обнесеном бедой каменной стеной. В нижнем этаже, где стояли когда то лошади, пол был земляной, но энергичные эмигранты устроили нары и койки из деревянных ящиков. В верхнем — немного лучше в том отношении, что можно было спать на деревянном полу, но зато холоднее зимой, так как вместо стекол болтались кое-как прибитые мешки, плохо предохранявшие от северных ветров. Несмотря на ежедневные дезинфекции, блох была такая масса, что не взирая на усталость и посыпанный кругом себя нафталин, не было возможности заснуть. Состав обитателей был не постоянный. Одни уезжали на Балканы и жили временно, как на этанном пункте, другие же, побывав в славянских государствах, возвращались разочарованные и, впредь до новой отправки, селились в Дольма-Бахче. Некоторые целыми партиями уходили на работы за несколько десятков верст от города, иные же возвращались с работы без денег, больные, голодные... Кто работал поблизости в порту и на пристанях, те шумной ватагой, черные от угля, вваливались в казарму на ночную покой. Более ловкие и изворотливые «коммерсанты», на вырученные от продажи беженского барахла деньги, ухитрились открыть лавчешки огорчающим нас, с жарен-

ной рыбой, с котлетами, с халвой и папиросами, со всеми продуктами первой необходимости. Все это напоминало обжорный ряд, где с утра до вечера кишат, как в муравейнике, обтренированные, искусанные паразитами, с бледными опухшими лицами, подобия человеческие.

В таких условиях находилось постоянно до тысячи двухсот человек.

— Бры... холодно!

— А ты бы газетой накрылся, молодой человек, все-ж было бы потеплей.

— Советую вам это сделать, папаша!

— Мне не холодно. Я из Архангельска родом, привык не к таким холодам. У нас, как ударят морозы, да с ветром, так за мое почтение!

— Ах, вот почему, вы такой жаркий! С детства, аначит, себя закалили, да небось еще купались во льдах с белыми медведями?

— Купаться с медведями не купался, а вот насчет газеты то я правду говорю. Чтобы ноги не зябли, за-всегда обертывай бумагой, лучше всякой портянки. Спроси любого северянина, всяк скажет.

— Это хорошо для ног, когда сам в теплой шубе и на ногах валенки, или что другое, а сейчас никакая газета не поможет. Черкесенка дырявая, шинель есть, или нет, никак не разберу, а чоботы давно уж пора при рапорте в штаб отослать. И к тому же в желудке голодно — кишка кишке фигу показывает!

— Не угодно газету, мешок изволь достать. На ночь залезешь в него с головой, кто нибудь завяжет, а для дыхания дырочки проделай, да смотри размером, не ошибись, а то блохи будут заскакивать.

— Вы, папаша, чем смеяться попусту, лучше чаю с хлебом дали бы, вот я и согреюсь.

— Хлеб и чай в Крыму устались, здесь это не в моде, да и командующий приказал потерпеть, турки же все кофе пьют и нам нужно привыкать, должно придется отучиться. Бог его знает! Я уж и то думаю феску снять и веру ихнюю принять, да боюсь, что резать будут, а опосля! домой вернешься, так жена и близко не подпустит, скажет: «ишь, басурман!»

Молодой казак с смуглым лицом, в дырявой серой черкеске и мохнатой барашковой шапке и пожилой мужчина с козлиной бородкой, в синей мешанской поддевке, отделанной мехом на груди и по вороту, лежат рядом и согреваются разговорами.

— Что вы, папаша, разве можно веру менять? — возмущился казак.

— А что? Ведь все равно Бог то один везде, только по-разному ему поклоняются. У нас на севере каких только народностей нет? Есть и такие, что дереву поклоняются и пляшут вокруг огня, как черти, аж глядеть то страшно, а допади к ним, так угостят и напоят лучше всякого хрищенного.

— Бог бы сейчас попасть к ним, — вмешивается в разговор недалекий лежащий другой казак, — поплясал бы вокруг огня, а потом бы уж всталась и наелся... От голода и с чертами заплащешь!

— А ну те, которые там, за обедом!

Дежурный от комендантской команды, рослый де-тина — дюнец, приглашает за обедом.

— Вот молодой человек и фасоль приехала, бери ка котелок, да и пойдём. Оно хоть и бурда на воде, а все как будто лучше будет. А на счет газеты я тебе верно говорю, потом благодарить будешь.

В общежитии после оклика дежурного поднимается невообразимый шум. Колышется, гудит... гремят консервные банки, заменявшие собой тарелки и миски в беженском обиходе, и густая масса спешит по лестнице вниз — на кухню.

Некоторые лежат и потягиваются, выжидают, когда успокоится вся эта лава.

Архангельский мужичек, продолжая разговаривать с казаком, встает кому то на ногу. Да и как не наступить в таком муравейнике!

— Что-б вас черти разорвали, — огрызается потерпевший, — боитесь, что фасоль разберут и вам не достанется!

— А вы, милой человек, лучше бы ноги то подобрали, а то вытянули их, что никому и проходу нет.

— У вас глаза на это есть. Небось в стену головой не стукнетесь?

— А вы бы через всю дорогу вытянулись, еще бы лучше было. Ишь как растянулся важно, будто сам главнокомандующий. Да и длиннющий же!..

— Проходите и поменьше разговаривайте, а то я такого главнокомандующего покажу, что тошно будет!

— Э, какой сурезный! Ты с ним по хорошему, по человечески, а он ни с того ни с сего показывать собирается!

— Эй, стой! Не напирай! Подожди спешить, говорят обеда больше нет! Не хватило! Новый раздатчик, погорячился сперва, выдавал по полному черпаку, а теперь и в котле пусто!

Со всех сторон раздаются недовольные голоса, ропот, голодная толпа еще больше напирает на кухню.

— Так что-ж теперь делать? Издыхать, что ли?

— Пусть новый варят, продуктов много в запасе!

— Надо коменданта взять за бока, чаю он смотрит!

Пищи хватает всем и сразу же все успокаивается.

Кто то, от нечего делать, пошутил, желая узнать настроение голодной массы.

В одном из углов второго этажа слышится не совсем стройное пение. Человек пятнадцать казаков и горцев, с бритыми головами, в черкесках и шапках, объединяются вокруг бутылки „смирновки“. В беспорядке валяются на газетной бумаге, кое-как, нарезанные помидоры с луком, вонючая, нечищенная селедка и острый на вкус турецкий сыр.

— Что вы тянете, как слепые нищие на паперти Божьего храма! Петь, так петь, а не хотите... ко всем чертям... лучше отставить! Ударим по рюмке?! Высокий, смуглый терец, в черной черкеске, с тонкой кавказской талией, крутит пышный казачий ус, улыбается, наливает из бутылки водку и предлагает соседу.

— Люблю я водочку Петра Смирнова, пьешь ее и хочешь снова! Неправда ли, старина? — обращается он к старому, почти седому казаку, с залихватски заломленной на бритой голове шапкой, — хорошая вещь водочка, да ежели под селедочку. Хоть и дрянна рыбешка, вонючая, наверно лет сто валялась в бочке, но все же не вредно. Так, что ли?

— Так точно, господин есаул, не время нам разбираться в рыбе, ведь не у себя на Каспии, ешь, что попадет под руку! Это и полезнее, а то где ж там? Эх, ма!..

Старик дрожащей рукой берет стаканчик, выпивает, сплевывает по православному обычаю, и обгрызком селедки закусывает,

— Ну, что, господа, давайте споем веселую! Что вы зажурились? А ну, Глухов, запевай: „Посеял лебеду на берегу!“ Что? Не нравится? Веселая вещь!

Смуглый есаул выходит на более свободное место и готовится к танцу.

— Нет, давай лезгинку!

— Жарь „наурскую“! кричит кто то совсем уже не слушающимся языком.

„Смирновка“, как она не прозрачна на вид, и не прекрасна на вкус, но свое берет. Многие уже совсем

пораскисли и из радостно-веселого настроения, неожиданно для самих себя перешли вдруг на минорный гон.

Из пенья, конечно, ничего не получается. Пьяные выкрики, спор о политике, заглушают более трезвые голоса. На шум, песни и крик приходит дежурный офицер.

— Господа, по приказанию коменданта общежития прошу прекратить пьянство!

— А где-ж нам пить?

— Што здесь гошпиталь, што-ль?

— Господа! Еще раз прошу разойтись, — обращается дежурный офицер, — идите на берег моря, пейте и пойте сколько угодно. Здесь вы не одни, быть может, другим отдых нужен!

— Верно, господа, не совсем удобно нарушать покой всего общежития. Идемте на свежий воздух!

Слова есаула принимаются без всяких возражений, Собираются остатки закуски, бутылки, стаканчики и вся веселая компания выходит из общежития на берег моря.

— Иваненко! — командует есаул, — а ты беги за водкой, а то нехватит, ночь большая. Да смогри, одна нога здесь, другая там!

Один из молодых казаков предлагает перелезть через чугунную ограду и расположиться в султанском саду.

— А шо, хлопці, може підемо в садок під чинари?!

— Ишь ты, чего захотел! Что это тебе станица, что ль? Да и как ты туда полезешь, вишь забор то какой!

— „Забора“ злякались, ех ви, вояки!.. В учебну треба б було вас оддати, щоб навчили там вас через кобилу скакати. А ну, хто в Бога вірує, за мною!

С ловкостью кошки молодой казак делает прыжок, держится за железные прутья и, после минутного раздумья спускается в сад. Не долго размышляя, один за другим перебираются на зеленую лужайку под широкие развесистые деревья и все остальные.

— Вот бы хорошо шашлык зажарить, да чихирю хватить, пожалуй получше „смирновки“ будет. А?

— А у вас губа то не дура, господин есаул! Ишь чего захотели: шашлыку и чихирю... Вот завтра „Ара“ накормит фасолью и яшки.

— За неимением гербовой, пишем и на простой. Давай петь, да веселей по казачьи, чго зажурились, будто бабы на панихиде? А ну начинай:

„Полно вам снежочки
На талой земле лежать!
Полно вам казаченьки
Горе горевать!“

— Жаль, что зурны нет, а то бы совсем по другому вышло!

Тихая, теплая ночь... Красивая, веселая песня далеко разносится по дворцовому саду, сливается с зеркальной гладью Босфора и замирает на асфальтовой мостовой. Прохожие невольно останавливаются, слушают красивое мощное пенье и, пораженные невидимым зрелищем, приковываются к чугунной решетке.

Дворец его величества, дворцовый сад, и... веселая ватага казаков.

Зрелище воистину необычайное!

Не проходит и часа, как в саду вырастает взвод гвардейских аскер. Караульный офицер вежливо объясняет, что, хоть его величество и не находится во дворце, но все же это место священо для всякого правоверного и не совсем подходящее для подобного рода „собраний“.

Немного смущенные, выходят из сада, располагаются на камнях и продолжают пить, петь и вспоминать старинку.

— Иваненко! Та де ж ти, бісова душа, — горілку приніс?..

— Господин есаул, стаканчик то в саду забыли, из чего пить будем?

— А ну, пулей розыскать! Измаил, ты крайний, геть в два счета!

Черкес-Измаил лезет в сад, ровыскивает стака-

чик — благополучно возвращается назад и песня несется до утра.

А утром, когда яркий солнечный луч, заиграл на тихой глади Босфора, вся шумная компания барахталась в воде. Американские матросы на моторном катере спасали тонущих.

— В чем дело? Что такое? — спрашивают любопытные голоса.

— Кубанцы в десант поплыли, а американцы их перехватили!

— Говорят, что прямо с Лемноса плывут!

— Не может быть? И дошлые же эти казаки, чтонибудь да придумают!

А „дошлые“ казаки, с виноватыми улыбками, в мокрых черкесах пробирались в общежитие.

Думы и мысли.

„Письмо в редакцию.“

Милостивый Г., Г. Редактор!

Не откажите в моей просьбе, поместите в журнале „В. К.“ нижеследующее:

Нам присылают какую то вроде газетки под названием „Русская Правда“. Не знаем, где она издается и кто редактор, тоже и адреса нет в ней. А ведь в русском народе не было правды раньше и теперь нет. Вот в одном листке стоят 12 пунктов, под заглавием: Всероссийские Лозунги Братства Русской Правды. В них сказано, какие должны быть порядки после коммунизма. В этом они правы для себя. Но не для казаков, у которых есть свои лозунги и пункты. Ведь всем известно, что создалось Вольное Казачество и оно стремится идти своей дорогой, а также создать и порядок, который будет у нас, в Казачестве.

А зачем нам эта „правда“, ведь она не казачья. Ведь русского народа много за границей, пускай читают ие. А может быть они хотят по старой привычке диктовать порядки другим народам, то они очень залазят далеко. У Вольного Казачества есть свои умы и головы, не хуже русских.

И черт знает, каким бы образом дать знать этой редакции, чтобы она печатала только для своих, а для других не печатала, хотя оно и идет в дело, но и без ней обошлись бы.

Мы просим „В. К.“ не знаете ли адреса этой „правды“, напишите пожалуйста о прекращении пересылки лишних экземпляров; и не тратьте бы бумагу понапрасну. Мы слышали, что какой то г-н. Мельников, кажется Каменской станицы казак, высылает нам из г. Гродна, но не верится нам, чтобы казак такими делами занимался.

Вот эти 12 пунктов, гласят так:

1. Полная свобода для всех религий. — Это вполне понятно.
2. Охрана русского быта. — Охраняйте, а В. К. сумеет само себя охранить.
3. Полное равенство всех граждан. — Ровняйте, а В. К. само поровняет.
4. Свобода частной собственности. — Это В. К. не касается.
5. Свобода частной торговли. — Пожалуста торгуйте.
6. Международный мир. — Миритесь, а В. К. найдет само себе мир.
7. Безпартийный суд. — В. К. нет дела до этого.
8. Всем доступное народное образование. — Опять „В. К.“ не касается,

Казачья эмиграция.

Поездка донских кадетов в Иерусалим.

Утром, позавтракав, пошли в Иерусалим, расположенный на семи холмах, внизу за Иосафатовой долиной. У подножия Елеонской Горы расположен Гефсиманский сад, а немного в стороне от него — т. н. Гефсимания. Так называется подземная церковь с находящейся в ней гробницей Богоматери. В Гефсиманском саду нам показали место „Моления о Чаше“, место,

где апостолы спали, и то место, где Иуда поцеловал Христа. Дальше идет „Кедронский Поток“. Потока-то, собств. говоря, нет теперь никакого, а есть только неглубокая балочка, проходящая по Иосафатовой долине. О Кедронском потоке сопровождавший нас иеромонах Тихон рассказал следующую легенду.

Когда вели Христа на Крестные муки, то во время перехода через этот поток, Богоматерь, в отчаянии и убитая горем, обратилась к нему (потоку) со словами:

9. Закрепление за крестьянством в полную наследственную собственность всех земель. — Вольное Казачество само у себя сумеет закрепить.

10. Полное забвение всех грехов и обид, совершенных во время революций. — Это ваше дело, а В. К. сумеет простить у себя.

11. Широкое местное самоуправление и широкая автономия для отдельных народностей, при сохранении единства русской державы. — Держитесь хоть за настоящую, а В. К. есть за что держаться и удержится.

12. Всероссийский Земский Собор для окончательного устройства Правления, после установления нового порядка в России. — Это не для В. К., а для России.

Нам кажется, пункт 10-й прощает Польше, Литве, Латвии, Финляндии и т. д. Эти народы должны им сказать спасибо. Но п. 11 определяет все народы, но власть русская. По нашему выходит так: они хотят закрутить другим головы, тут какая то выходит путаница — неразбериха. Честь и хвала тем народам, которые сумели отделиться от старых захватчиков. Сумеет сделать это и Вольное Казачество!

Е. Кочетов.

Польша 4-IV 1929 г.

Казаки о „В. К.“

... Дуже радий, що тепер наш журнал ілюструється. На журнал у нашому городі маються нарікання. Приходиться мовчати, хоч і шкода за обіду козацтва, за обіду журналу.

Щоб хто не казав, а почитати про свій Край, про свою станицю, про рідні обичаї дуже мило і приємно. У чужому журналі не знайдеш стільки рідного, свого, як у своєму. Хай лають! Хто мені заборонить найдужче любити свою станицю, свою хату, свій Край! Я козак і люблю наш козацький Край.

Може журнал коїде дуже і ширий, але він козацький і мені, козакові, милий і рідний. Любо подивитися на своїх братів у журналі у своїй формі.

Понаравилась мені стаття инж. Бейсуга. І козак повинен бути машинистом, техніком. І інженери повинні бути для козацького Краю козацькі. Козак мусить навчитись управляти і автомобілем. Такі люде піднімуть техніку нашого Краю і економічне положення. Для козацького Краю нужні і вояки, нужні і інженери, нужні і дохтарі...

Ітак, я козак і люблю козацький журнал і радий йому...

З пошаною до Вас Павло Дм-ко.
Болгарія, 12-V-29.

„Зачем ты шумишь, когда Создателя Твоего ведут на смерть!“

Поток немедленно же высох. Зашумит же он снова только в день Страшного Суда, но только не вода уже будет в нем, а опыны. Это, по видимому, для удобства, т. к. Страшный Суд произойдет, по верованию христиан, в Иосафатовой долине, до которой этот поток протекает... Чтобы, так сказать, немедленно же водворить „козлиц“ в уготованную для них сферу...

За Кедронским Потоком, в стороне от Страстного Пути, по которому мы шли, находится небольшая часовня, построенная на месте убиения первомученика Стефана.

Поднявшись немного вгору, мы подошли к высокой Иерусалимской стене и через ворота, названия которых я уже не помню, вступили в самый Иерусалим, продолжая следовать по тому же пути, который прошел когда-то Христос, неся Крест. Путь этот проходит через самую старую часть города. Вместо улиц — какие-то крытые, полутемные узкие корридоры. Целая сеть таких сырых корридоров.

Как известно, во время шествия на Голгофу, Иисус Христос, несколько раз падал от усталости. Эти места отмечены римскими цифрами, и на каждом таком месте имеется или икона или католическая статуя, или надпись, какая-нибудь. Одно из мест „падений“ связано с именем св. Вероники, которая подала Христу полотенце, для того, чтобы Он мог вытереть свое лицо залитое сохлевшей из-под тернового венца кровью. Отсюда, кажется, — Нерукотворенный Образ.

На месте Судных Врат исчезнувшей уже старой иерусалимской стены, названных так потому, что через них именно проходили все, приговоренные к распятию на Голгофе, находившейся в то время за городом — на этом месте построено русское Александровское подворье с церковью, украшенной великолепными картинами русских художников. Одна картина, кисти Репина, находится не в церкви, а в притворе. Это потому, что ее нашли слишком „неканоничной“, т. е. попросту чересчур реалистичной.

Отсюда направились прямо в Патриархию, чтобы получить от патриарха Дамиана благословение на осмотр Храма Воскр. Хр. и других святынь Иерусалима и его окрестностей.

Дворец патриарха расположен неподалеку от главной святыни Иерусалима — Храма Воскр. Хр., где находится Гроб Господень и Голгофа (под одной и той же крышей). Подождя немного в большой приемной зале, украшенной большими портретами всех иерус. патриархов. Потом явился лакей (да, да, и там есть таковые) и объявил нам о желании патриарха принять нас в своей частной приемной, что было знаком особого к нам расположения. Мы последовали в этот зал, и когда, через несколько секунд, появился патриарх, мы ему грянули такие „исполла эти десница“ и „Достоинство есть“, что он чуть было в обморок не упал. Очевидно, не ожидал, что мы запоем, а может быть даже, и не знал, что мы были не просто паломники, а певчие. Он даже сказал что-то довольно смешное по этому поводу. Лакей принес на серебряных подносах прекрасный ликер и... рахат-лукум. Для нас, конечно. Патриарх, который великолепно говорит по русски, подошел почти к каждому из кадет и каждому сказал что-нибудь ласковое. Прием длился недолго. Справа по одному начали подходить под благословение. Каждому патриарх давал, в белом конверте, небольшую иконку, являющуюся репродукцией барельефа, украшающего „Кувуклию“ т. е. часовню Гроба Господня. На одного из кадет вид патриарха произвел настолько сильное впечатление, что он перекрестился на Святейшего Отца, как на икону. Патриарх улыбнулся и потрепал за щеку обалдевшего кадета.

Из Патриархии последовали прямо в Храм Воскресения. Если бы я захотел описать подробно все то, что мы видели в этом храме, мне понадобилось бы написать отдельный большой очерк. Ограничусь поэтому только кратким, неполным перечислением тех святынь, которые кадеты увидели там. Не буду также ничего говорить о том огромном почти непередаваемом впечатлении, которое произвел на всех нас этот осмотр.

В самом начале, напротив входных дверей, находится

„камень миропомазания“. Над ним горят 7 продолговатых матово-белых лампад.

Влево в центре храма, — небольшая часовня („Кувуклия“), состоящая из двух частей: в первой находится большой камень, отваленный когда-то от входа в пещеру Гроба Господня. Св. Гроб — каменный. Много лет тому назад его „одели“ в твердую полированную мраморную оболочку без резких углов. Это для того, чтобы предотвратить „хищение“ Гроба по кусочкам. После поклонения Гробу нужно выходить „спиной вперед“ из почтения к Святыне. Когда поклонились все, хор спел по гречески „Отче Наш“.

Напротив Св. Гроба, занимая лучшую часть Храма, помещается „Кафоликон“, т. е. правосл. греч. церковь в честь Воскресения Хр. Иконостас этой церкви писан русскими художниками. В этой же церкви висит и знаменитая люстра с четырьмя евангелистами литого золота — дар московских купцов. (До чего, всетаки, широка была натура моск. купцов! „Буревесникам“ помогали, золотые люстры дарили... Какой размах!).

В Храме Воскр. Хр. имеются отделения всех христианских Церквей, вплоть до коптской.

Поклонившись последовательно пределам Креста (место, где царицей Еленой найден был Св. Крест), Уз, св. царицы Елены, сотника Логгина, Разделения Риз и др., поднялись по ступенькам на Голгофу. То место, где стоял Крест, принадлежит православным. Под находящимся там престолом находится небольшое углубление. Там видна часть скалы с трещиной, появившейся, по преданию, после Слов Спасителя: „совершишася“ когда, как известно, произошло землетрясение. По этой же трещине, будто-бы, стекла на голову праотца нашего Адама Св. Кровь.

Место, где положено было тело Христа после распятия, принадлежит католикам. (Вообще, в Палестине католики должны довольствоваться „остатками“). Там — разные статуи, разукрашенные кольцами, серьгами, браслетами ожерельями и др. драгоценностями.

По великому непостижимому скудоумию все это! — сурово изрек греческий иеромонах, показывавший кадетам все святыни.

После осмотра всех святынь Храма Воскр. Хр., мы отправились на Елеон, где нас ожидал вкусный обед. (Монастырские завтраки, обеды и ужины, которыми нас угощали, заслуживали бы специального очерка, но...)

Вечером того же дня пели всенощную на Елеоне. Весть о нашем прибытии в Иерусалим распространялась постепенно по всему городу и когда на след. день мы пошли осматривать другие святыни и достопримечательности Иерусалима, за нами следовала уже порядочная толпа поклонников и, главным образом, поклонниц всех возрастов и национальностей.

Последовательно, кадеты осмотрели следующие достопримечательности Иерусалима.

Мечеть Омара. Эта мечеть, построенная на месте знаменитого храма Соломона на горе Мория, находится против т. н. Золотых ворот новой иерусал. стены. По верованию магометан, ворота эти откроет новый знаменитый мусульм. завоеватель. По христианскому преданию через эти ворота Иисус Христос совершил свой торжественный вход в Иерусалим. В мечети Омара центральное место занимает большая скала, окруженная решеткой. По одной легенде, на этом камне Иаков приносил в жертву сына своего Исаака, а по другой на скамье этой был утверждён когда-то библейский Кивот Завета.

Под мечетью находится пещера, где хранятся: знамя Магомета на заржавленном копье, рукопись Ал-Корана и седло лошади Магомета — Эль-Борака.

В одном месте висит яшмовая плита с несколькими вбитыми в нее золотыми гвоздями. Об этих гвоздях рассказывают различные сказки жанра 1001-ой ночи.

Недалеко от этой мечети находится другая, построенная на месте того храма, куда „входила“ Богоматерь, и в котором происходило Сретение Господне.

Стена плача. Эта „стена плача“ — часть древнейшей иерусалимской стены, сохранившейся после разрушения Иерусалима Навуходоносором — является

главной святыней всего иудейства. Она находится в самой грязной части города, в еврейском квартале города, на Сионе. Все доступы к ней загажены до последних степеней. Сюда евреи приходят молиться, плакать и лобызать стену. Говорят, что они также вбивают в эту стену гвозди. Говорят также, что делают они это в воспоминание • „пригвождения Иисуса к дереву“. Верно это или нет, — не знаю. Во всяком случае, во время нашего визита никто никаких гвоздей в стену не вбивал. Говорят еще, что плакать „обязательно нужно“ и что, будто-бы, некоторые евреи, обладающие крепкими нервами, запасаются, на всякий случай, луком. Все это рассказывалось нам там-же, у „стены плача“.

Встретили мы там несколько человек „наших“. Злобные взгляды из-под лоббей. Вопрос:

— Деникинцы?

Кто-то ответил:

— Нет, так себе... — донские кадеты...

— Чго ни в лоб, то по лбу — с'язвил еврей.

Гора Сион. На этой знаменитой горе есть две достопримечательности. Во-первых место Сочесания св. Духа на апостолов. Там теперь — мусульманская мечеть, а в ней почему-то — гробница (саркофаг) Царя Давида. Саркофаг этот очень чтится магометанами. Во-вторых, знаменитое сионское кладбище. По верованию христиан, первыми воскреснут в день Страшного Суда, те, кто похоронен на этом кладбище. Отсюда до Иосафатовой долины — места Суда — рукой подать. По причине такого привилегированного положения этого кладбища, место упокоения здесь стоит больших денег. Кладбище содержится очень плохо: повсюду валяются человеческие кости. Я. признаться так и не понял, почему именно предпочтительно воскреснуть одним из первых и одним из первых быть судимым. Ведь это еще не значит, что попадешь „одесную“ в число овец, а не козлищ. Упокоение на Сионском кладбище не спасет, ежели своею грешною жизнью вы заслужили вечное лизание раскаленной сковородки!

Впрочем, я, кажется, отвлекаюсь.

Ив. Егоров.

(Продолжение следует).

Казачье студенчество в С. Х. С.

В представительство журнала „В. К.“ в Югославию поступила выписка из протокола Общеказачьей Станицы студентов-казаков в Белграде, для предания ее гласности через казачью прессу.

Сход выразил пожелание вынести постановление о том, что необходимо высказаться в защиту, как Конституций, так и В. Атаманов, дабы голос Казачества заставил задуматься, тех, кто с ним считается не думает.

Выписка из протокола сбора Общеказачьей Студенческой Станицы в Белграде, состоявшегося 21 апреля 1929 г.

Заслушав:

Доклад Правления Станицы и отдельных ее казаков о создавшемся в Белграде „Общеказачьем Обединении“, которое возглавляется Н. Д. Дувакиным, б. Куб. Войск. Атаманом Филимоновым, генералом Марковым, Персияновым и другими неудавшимися политиками с большой амбицией, генералами без войск и атаманами без казаков, недавно еще раз произведшими попытку с претензией на политическое значение в казачьей среде — устроили бутафорную встречу генерала Абрамова и пригласив на созванное собрание лиц и числом и весом в казачьем мире весьма незначительных.

Генерал Абрамов не нашедший нужным встретить Войскового Атамана в Болгарии, как командир Донского Корпуса позволил себе и в Белграде несколько раз в своей речи „удивиться“ поведению Атамана и пожонглировать словами „Обединенный Совет Дона, Кубани и Терек“ и „Совет солдатских депутатов“.

Это дало повод генералу Филимонову „громко заявить“, что „народовластие попирается и насилуется Войсковыми Атаманами“.

Постановили:

Напомнить генералу Филимонову повешение на Кубани члена Рады Кулабухова, когда он, Филимонов, будучи Войсковым Атаманом допустил этот акт величайшего попрания народовластия, тем самым изменил казачьему делу и предав Казачество.

Предложить генералу Абрамову, неоднократно заявлявшему, что он — „солдат“ — отправиться к солдату же Кутепову, оставив в покое казаков и без того отравленных, разоренных и обездоленных экспериментами различных „вождей“ с солдатским духом.

Интересуется точным числом объединившихся под высокой рукой Дувакина, Персиянова и прочих „печальников“ организаций, ибо по имеющимся в Станице сведениям их не 30 и даже далеко не 12.

Удивляется вошедшей в эту организацию Донской Белградской имени Митрофана Петровича Богаевского Станице и не пославшей Атаману поздравления и продолжающей оставаться в „Обединении“, несмотря на то, что весьма немногочисленные ее члены давно поняли чего добиваются их „представитель“.

И порешили:

Резко оградившись от „обединенцев“, еще раз подчеркнуть свою лояльность к Войсковым Конституциям и Войсковым Атаманам, приветствовать Войсковых Атаманов и их правительства и разослать это постановление в казачью печать с кличем „Да живет Обединенный Совет Дона, Кубани и Терек. Да живет Великое Вольное Казачество“.

Загреб

В то время, как в Белграде казаки-студенты, выносят постановления, тем самым, путаясь в империанские распри и уделяя внимание тому, что этого внимания не заслуживает, Загребский Хутор, являясь совершенно самостоятельным центром учащейся в Высших Учеб. Заведениях казачьей молодежи, имеет и свое суждение.

Наиболее разноразличен с многими хуторянами и особо с Атаманом Хутора Александром Степановичем Дьяковым и сообщает:

— На внесенное постановление, загреб. студенты смотрят более серьезно. Присоединиться к нему не могут, из-за необоснованной и резкой его формы, напоминающей ругательство.

Хуторяне видят, что та „опасность“, о которой идет речь и что волнует зарубежную общественность, ничто иное как блеф.

— Согласно 8-му Уставу и имея в нем помимо Платформы ОСДКП еще и слово „поддержку“ Загребский Хутор, наиболее и точнее высказался по обще-казачьему делу, чем все другие „политические“ организации.

— Загребский Хутор официально вышел из „Обединения“, возглавляемого Н. Д. Дувакиным, о чем, своевременно Хуторским Атаманом было и сообщено Обединению.

— Встретив Атамана, и проводив его, студенты-загребчане надеются, что у Донск. Атамана, о них, имеется особое мнение, а также по взятому направлению казаками-студентами г. Загреба.

В Загребе находится в. Хутор, по спискам, 81 донец, 11 кубанец и 1 терек. Всего, 93 казака.

Студенты по факультетам делятся так:

Техники — 51 чел., медики — 6 чел., агрономы — 17 чел., коммерсанты — 14 чел., лесники — 9 чел.

Из них кончили двадцать шесть человек, кончают в самое непродолжительное время еще шесть студентов. Таким образом, Хутор дал уже Казачеству 32 казака с высшим образованием.

Имея за собой почти 34% окончивших, можно отметить большую интенсивность и напряженность хуторян в академическом направлении.

(Соб. кор.)

Общеказачья Станица в Бельгии.

В Бельгию попало немного казаков. Это, однако, не помешало им собраться до кучи и образовать станицу. Не беда, что численный состав станицы мал! Важно то, что все таки вот взяли и образовали станицу.

Номинально, в станице числится человек 45 казаков (главным образом кубанцев). Фактически же, имеется всего лишь маленькая, но очень сплоченная группа в 10—12 человек, искренно желающих жить общей казачьей семьей. Остальные — или в постоянных разъездах (как напр. хористы и джигиты) или же просто ограничились тем, что записались и... плюнули на все: и на обязательство делать ежемесячные взносы (3 фр.) и на самую идею сплочения казаков. Нужно, однако, заметить, что к последней категории относятся, почти исключительно, т. наз. „липовые“ казаки, т. е. попросту — не казаки, а так... Всекие сомнительные „приписные“, без году неделю прослужившие в казачьих частях и т. п. Короче говоря, — сбоку припеку — горячий блин.

Правление станицы — в Брюсселе. На станичных сборах, происходящих время от времени, никаких особо важных дел не решают, а собираются больше для того, чтобы хоть немного отвести душу среди своих. А отвести душу — прямо таки жизненно необходимо. Сами посудите: кругом — „сливки“ российской эмиграции. Прямо таки — сливка на сливке и сливкой погоняет. Будешь-будешь вертеться среди этих „сливок“, — и сам еще обратишься в оные... Вот и собираются. Решат, что там имеется на очереди, а потом начинают разговоры разговаривать по душам, вспоминать родное, петь свои казачьи песни. (В станице имеется даже свой маленький хор; регент — казначей). Хотите — верьте, хотите — нет, но, ей Богу, я, попав на один такой сбор, чувствовал себя прекрасно...

Правлению станицы приходится очень считаться с обще-русскими организациями. Ведет оно себя, так сказать, тише воды, ниже травы. Прежде чем назначить, например, станичный сбор, оно спрашивается: а не назначено-ли на этот же день какое нибудь собрание в... „Общевинском союзе“. Если да, то, сбор откладывается. Делается это для того, чтобы не подумали о „демонстрации“. Печаль одна — да и только! Но что же делать, раз, во первых, и казаков-то мало и, во вторых, — вся обстановка — чрезвычайно неблагоприятна для более смелых действий...

Станица входит в состав „Казачьего Союза“. Это отнюдь не определяет ее „политической физиономии“. Состоят в этой организации потому, что там — Атаманы. Есть в станице и „неделимцы“, и „самостийники“ и... просто так.

Станица — бедна. Вместо казны — недоразумение одно. И не удивительно. Помножьте, пожалуйста 3 фр. на 10—12, и вы будете знать месячный „доход“. Все же и из этих средств станица умудряется как-то выдавать кой-кому из нуждающихся казаков небольшие единовременные ссуды. (К сожалению, в большинстве случаев, не возвращаемые).

Один из членов правления жаловался вашему корреспонденту на то, что за последний год... „подкачали“ венки и панихиды... Надеюсь, вы поймете о каких венках и панихидах идет речь...

На одном из последних станичных сборов было одобрено, в принципе, предложение одного из членов правления — соорудить на добровольные пожертвования специальную хоругвь в память пребывания казаков на чужбине. Предполагается поместить эту хоругвь в здешней православной („евлогиевской“) церкви. По возвращении же в Родные Края, хоругвь эта будет помещена в одном из Войсковых Соборов четырех казачьих Войск, представленных в бельгийской станице.

Состав правления: станичный атаман: ген. Рафалович (куб.); помощник атамана: доктор Ретивов (дон.); казначей: полковник Хмелевский (куб.); доверенный и станичный писарь: сотник Острецов-Ванно (куб.).

Редактор-администратор одной из самых распространенных бельгийских газет („Nation Belge“) и еще три видных бельгийских журналиста состоят „почетными казаками“ станицы.

(Соб. кор.)

Колонизация Перу.

(Республика Южной Америки).

Правительство Перу разрешило въезд в страну эмигрантам (не большевикам) до 2.000 чел. с правом образования Перуано-Кубанской казачьей станицы с казачьим управлением и православной церковью.

Записавшимся дается в собственность бесплатно земля по 30 гект. на семейных и по 10 холостым, но когда кто женится, земля дорезывается. Дается на обсеменение орудие и до 1-го урожая выдается ссуда на прокормление. Перевозят к месту поселения за свой счет.

За это, т. е.: за перевозку, обсеменение, орудие и ссуду от будущего урожая от переселенца Правительство получает натурой 10% в течение 5 лет до оплаты долга.

Правительство за свой счет к месту поселения казачьей станицы с 1927 г. уже строит шоссе-ную дорогу, которая к осени 1929 г. должна быть закончена.

Что обязаны сделать первые поселенцы станицей или ими организованное какое-либо общество для себя и будущих переселенцев:

1) Выстроить школу; 2) Церковь; 3) Правление; 4) Дом для учителя и священника; 5) Улицы; 6) Больницу с аптекой; 7) Водопровод; 8) Электричество; 9) Помощь и поддержку приезжающим.

Устроившие получают от прибывающих колонистов с урожая за благоустройство натурой 10% в течение 10 лет.

В первую очередь едут малосемейные по 100 чел. из Франции и Сербии и им сначала будет дана постройка шоссе-ной дороги к месту поселения, с подряда и хорошо заплатят, а потом сядут на землю. Рабочая плата колеблется от 50 до 100 фр. В последовательные очереди, когда уже будет устроен приют 1-й партией, будут ехать более семейные.

Общая справка:

1) Отведенная земля для колонизации находится на р. Аригмас, на высоте от 772 метров над уровнем моря и более 2000 метров. Местность здоровая. Климат кавказский. Летом жара до 35 град., а зимой 12 град. Снег бывает на горах выше 3000 метров. Вместо снега идут дожди. Река, возле которой будет устроена станица, многоводная, до 350 метров ширины, много рыбы: сом, карп, и др.

2) Земля плодородная, б. половина под лесом, а другая без леса, выжечь бурьян и можно пахать и сеять. Есть равнины и есть горы. Много минералов и минеральных вод. Земля — чернозем и супесок, а под низом глина. Там культивируют злак самой высокой культуры: кофе, какао, фисташки, сахарный тростник, лимоны, апельсины, ананасы, также картофель и кукурузу и на высоте 1800-2000 метров и пшеницу. Можно заниматься скотоводством и садоводством.

3) Материал для постройки домов на месте, а железные в ближайшем городе.

4) Население — испанцы и индейцы. Язык испанский. Вера католическая. Страна мирная, разбоев нет.

Отъезд.

Первая партия 100 чел. из Франции и 100 чел. из Сербии отъезжает из порта Марсель 30 мая сего года бесповоротно.

Какие нужны документы для визы.

1) Нансеновский паспорт. На него поставится Перуанская „виза“: при получении надо заявить, что вы едете в Перу на землю. Тогда возьмут плату дешево.

2) Сертификат от французской полиции о неподсудности и поведении. Оба документа берутся по месту жительства.

Эти 2 документа и по 2 фотографических карточки представляются Перуанскому консулу, либо в Париже или в Марселе, куда ближе, который накладывает визу.

Лица проживающие в Париже, Нансеновский паспорт берут в Префектур де Полис, а сертификат в Министерстве Юстиции 36, рю Камбон, 3-й этаж.

3) Записавшимся Клуб выдает от себя удостоверение.

П а р о х о д.

Океанский пароход „Orahio“ итальянской компании. Все прибывшие в Марсель уже с документами и визами 30 мая должны явиться в контору Пароходства 25 рю де ла Републик для отметки о прибытии и для полиции.

Проезд на пароходе 23 дня. Продовольствие от Пароходства.

Дополнительные справки.

1) На икону, знамя станицы, штемпеля и др. в едущие обложены взносом по 50 фр., дети до 10 лет не платят.

2) Получена телеграмма — можно брать и семейных, желающие еще могут записаться. В заявлении необходимо указать: имя, отчество и фамилию, возраст, семейное положение (имена и возраст), веру, откуда родом (станция, губернии и войска), ремесло, образование, знание языков, музыки, пения, непринадлежность к коммунизму и адрес.

3) Едущие будут считаться казаками, желательно, кто может, приобрести казачью форму, недорогую черкеску и шапку.

Желательно, чтобы едущие приобрели бы во Франции в небольшом количестве огородных семян, цветов и др. злаков.

1-я группа едет со священником.

Заявления направлять по адресу:

„Club des Cosaques“, 7 rue Violet, ch. 2, Paris (15).

Л. И. Елесева.

Тяжелую участь казачьей чужбины разделяют равные с казаками и женщины, наши родные казачки.

Наша фотография представляет донскую казачку Л. И. Елесеву (урожд. Родионова), которая, как одна из многих жен и матерей, прошла вместе с казачьей армией весь ее тернистый этап, вплоть до заграницы, которая и по сей день является участником казачьей нелегкой жизни вне пределов нашей Родины...

С раннего детства, в бытность дома, в родной станице Л. И. увлекалась музыкой и пением. Девченкой уже она пела в станичной церкви, а когда подросла, училась петь у лучших станичных знатоков музыкального искусства. Но все же это учение не было настолько серьезным, чтобы могло навести ее на мысль довольно смелой карьеры — артистической карьеры. Нет. В станицах „артистка“ была тогда явление не только редкое, а прямо-таки неслыханное, а еще больше нежелательное. Артистическая карьера приравнялась тогда в станицах и хуторах к людям с отрицательными взглядами не только на религию (артист — значит, бездельник), но даже и на нравственность (последнее особенно крепко было связано с женским полом...).

И потому, если и учились пению и музыке, то только для того, чтобы „уметь петь дома“...

Попав на чужбину и тесно столкнувшись со всеми ее чреватых последствиями, Л. И. вспомнила о своем домашнем, когда-то беспечном и невинном упоении пением. Пришлось при самых тяжелых условиях нелегкой заграницы за него взяться уже с более серьезными на то мотивами. Пришлось, бывшее когда-то необязательное удовольствие, доводить до нужного совершенства, конечный результат которого должен был стать прямым источником существования в тяжелом заграничном изгнании.

Тернистый путь казачьей Голгофы позади и бесспешная неизвестность нашей судьбы впереди дали ей силы и энергию достигнуть того, что, закончив свое

музыкальное образование за границей, она была принята, как артистка-певица, на службу в Румынскую Государственную оперу, в которой служит уже четыре года.

Б.

Л. И. Елесева.

† В. И. Персиянов.

(Некролог).

В первых числах апреля (нов. ст.) этого года в Париже, в больнице, скончался казак Орловской станицы, член Войскового Донского Круга, Ванифатий Иванович Персиянов.

Неожиданная смерть этого почтенного, уважаемого казака глубокой скорбью поразила всех, близко его знавших. А знали его многие.

Среди Донцов, молодых и старых, он был очень популярным человеком и пользовался исключительной любовью и уважением.

„Наш дед“ — это так шло к седой, белоголовой, статной и сильной фигуре Ванифатия Ивановича.

Влияние его среди казаков было очень велико. К нему шли за советом и в горе и в радости и находили у него ласковое, умное, дельное слово, а иногда и его последние франки.

Человек он был богато одаренный от природы — самородок. И казак в полном смысле слова — мужественный и благородный, гордый и сердечный, пылкий и добрый, честный и независимый.

„Гнуть шею ни перед кем не хочу, кланяться никому не стану“, говаривал покойник, когда ему советовали в тяжелые минуты, обратиться к известным русским лицам и учреждениям. Может быть, благодаря этой черте характера безвременно и сошел он в могилу.

Обладая, казалось, несокрушимым здоровьем и крупной физической силой, несмотря на свой преклонный возраст (60 лет), Ванифатий Иванович брался за самые тяжелые работы. Думается, что эти работы его и загубили — „Уходили сивку крутые горки“.

Как и многие из нас, Ванифатий Иванович пережил очень тяжелую личную драму.

В последнюю войну он потерял двух старших сынов, при отступлении на Кубань потерял жену, на Дону оставил малолетнюю дочку, по которой сильно тосковал.

Но личное горе не мешало ему принимать самое горячее участие в казачьих организациях. До конца жизни он горел жаждой борьбы за освобождение родных станиц и хуторов и с этой мечтой сошел и в могилу.

Угас старый степной орел, угас в чужой земле, среди чуждых, холодных людей.

И не увидим мы больше его крепкой, уверенной в себе фигуры, не увидим милой, ласковой улыбки, умных голубых глаз под высоким мощным лбом. Не услышим веселой, житейски мудрой, всегда глубоко поучительной

речи „Нашего Деда“, старого вахмистра 2-го Донского казачьего полка, как он сам себя называл, и иницируя и военные и гражданские чины, которыми его награждали во время гражданской войны.

Мир праху Твоему, Старый Казак, истинный орел донских вольных степеней.

Старый друг.

† Александр Александров.

В Панчевском госпитале скончался от туберкулеза студент, казак ст. Потемкинской В. В. Д. Александр Александрович Александров (Дураков).

Покойник происходил из фамилии Пугачева, родственников которого, как известно, по приказу „свыше“ переименовали в Дураковых.

По окончании 8 классов Донского Кадетского Корпуса в Билече, покойный Александров, приехав в Белград, поступает на агрономический факультет Б. У., а затем переходит на технический. Не получив государственной стипендии, Александров вынужден был работать и учиться, что подточило его и без того слабое здоровье.

† Александр Александров.

Хлопотами донца-студента медицины Павла Александровича Жидкова, Александрову удалось попасть в клинику профессора Игнатовского, где он пролежал около 4 месяцев. Выйдя из клиники, Александров снова поступает на службу работает, учится и... всем говорит, что он чувствует себя с каждым днем все хуже. Не в силах бороться самостоятельно с болезнью, Александров уезжает в Панчевский госпиталь, где, пролежав 8 месяцев, умирает.

Скудное питание госпиталя не могло победить чажотки, а не совсем удачный способ лечения появившегося аппендицита ускорило развязку. Помощь, полученная им от Державной Комиссии, ничтожна (2 раза по сто динар), а друзья Александрова слишком были сами бедны, чтобы ему регулярно и существенно помогать.

Говорят, директор Донского корпуса вспомнил своего кадета и проездом через Панчево решил его навестить. Дежурная сестра предложила ему пройти в мертвецкую... Так корпус помог больному кадету.

У него остались на Дону мать и две сестры, а брат Петр во Франции. Все что осталось из корреспонденции и вещей покойного, хранится у донца-студента Николая

Захарова, с которым он был все время в самой тесной дружбе. Покойник отличался глубокой преданностью идее Казачества и всей душой шел за зовом Вольных Казаков.

Из жизни калмыков в Югославии.

Русская революция, заставившая всех донских калмыков покинуть родные очаги, выбросила за границу и заставила их скитаться по чужим странам.

В данное время, в результате неоднократных случаев возвращения „туда“ из этого числа осталась тысяча с небольшим человек.

Это количество расселено преимущественно по Сербии, Франции, Болгарии и Чехословакии.

В Сербии большинство калмыков живут в Београде, где образована Калмыцкая Казачья колония, которая и является теперь объединяющим центром Сербских калмыков.

В состав правления колонии входят: Алексеев — председатель, Кузьдинов — заместитель, Улюков — секретарь и Джамбинов — казначей.

При правлении колонии есть ревизионная комиссия, в которую входят: Ахремов, Романов, Манжиков и Сипинов.

Правление это проявило энергичную деятельность. Оно вошло в сношение и наладило добрые отношения с Сербскими и Русскими организациями и предприняло ряд шагов, направленных ко всяческому облегчению жизни своих собратьев.

Наряду с чисто экономическими заботами, руководители колонии совместно с духовенством задалась целью сохранить в душах своих изгнанников национально-религиозные чувства.

Избранные в правление лица, несмотря на неплатность их должностей добросовестно выполняют свой долг.

Сидят слева направо: Бакиш Умалдинов и Предст. Колонии Абуша Ан. Алексеев. Стоят слева направо: Доржа Улюков, Д-р Хара-Даван и Санжа Джамбинов.

Так например, благодаря связям и доброму знакомству председателя правления Алексеева с одним зажиточным сербом — Ячимовичем, калмыцкая колония получила крупный подарок в виде участка земли в 300 кв. метров, 10.000 кирпичей и достаточное количество черепицы для постройки Буддийской молельни, со школой при ней.

Строительная комиссия, избранная для изыскания дальнейших средств и проведения постройки, в своих первых шагах встретила сочувственное отношение со стороны некоторых лиц, как напр. г. Штрэндман и Беллич, приславших по 3000 динар.

Сочувственно относятся к начинанию и калмыцкие колонии в других странах. В данное время средств, собранных строительной комиссией, еще не достаточно, чтобы приступить к началу постройки и Сербская колония калмыков с верой и надеждой смотрит на всех своих собратьев и друзей, ожидая их помощи.

Само собою разумеется, что строительная комиссия будет время от времени давать публичный отчет и тем ставить в известность калмыцкую общественность о состоянии дела.

Бембе Сангилев.
Белград.

Хороший пример.

Председатель Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. получил сообщение, что общее собрание Калмыцкой колонии в Ромба (Франция), где насчитывается около сорока человек калмыков, вынесло решение жертвовать в течение трех месяцев по

20 фр. от человека ежемесячно в пользу строящегося Буддийского храма в Белграде. Первый сбор в 800 фр. уже сделан и выслан в распоряжение Калмыцкой строительной комиссии.

Инициатива созыва собрания и проведения решения принадлежит Бадме Иванову.

Ш. Н-им.

Поправка.

В № 34 „В. К.“ была помещена корреспонденция о жизни казаков в Греции.

Ныне г. Маркин просит нас исправить некоторые неточности, допущенные г. Апанасовым в его рассказе. А именно:

В магазине И. Ф. Маркина никогда не было никакого инцидента между казаками красноцами, которых там вообще нет, и „портретом Кирилла Владимировича“. Как пишет нам г. Маркин: „Я лично и казаки Ларисского района еще никогда ни на яву, ни во сне, ни на портрете не видели К. В.“.

„Кавказский Казак“.

В Белграде, 1 сего мая вышел в свет новый журнал „Кавказский Казак“, объединивший под одной обложкой выходившие раньше информационные бюллетени: „Вольную Кубань“ (Белград, Неманьина, 26) и „Терский Казак на чужбине“ (Белград, Макензијева, 4).

„К. К.“ и в дальнейшем сохраняющий, очевидно, двойную редакцию, является, повидимому, официозом Кубанского и Терского В. Атаманов.

В Казачьих Землях.

Упадок школ и грамотности.

В январском номере московского ежемесячника „Народное Образование“ находим сводку сведений о положении нисней школы и ликвидации неграмотности в СССР. Сведения эти поданы отдельно для разных областей и местностей, благодаря чему есть возможность выяснить положение народной школы в Казачьих Землях на Сев. Кавказе.

Введение всеобщего начального обучения по всей СССР декретом Совнаркома намечается с 1933-34 г. ряд партийных комитетов отмечает трудность и невозможность — даже при полном напряжении местного бюджета и при ближайшем активном участии советской общественности — планового осуществления всеобщего обучения без широкой дотации и долгосрочных ссуд из центра, т. е. из Москвы.

Северо-Кавказский Краевой комитет констатирует, что всеобщее обучение не может быть введено в указанные сроки за счет только местных средств и считает необходимым поставить перед центром вопрос о необходимости ежегодной помощи Северо-Кавказскому Краю из средств государственного бюджета.

Основные затруднения, встречающиеся в проведении всеобщего обучения (кроме затруднений материального характера) можно свести по Сев. Кавказу к следующему: 1) недостаточное внимание партийных, советских профессиональных и других общественных организаций и слабое привлечение инициативы населения; 2) большой недостаток квалифицированных преподавательских кадров.

Что касается ликвидации неграмотности, то Сев. Кавказская парторганизация отмечает неудовлетворительность, порой катастрофичность положения. Все сделанное — капля в море, по сравнению с тем, что нужно сделать. За последнее время в этой работе наблюдается даже ухудшение. Сев. Кавказский Крайком жалуется на „недопустимое снижение ассигнований на ликвидацию неграмотности в 1927-28 г.; продолжается практика расходования средств, отпущенных на ликвидацию неграмотности не по назначению и задержка кредитов; отсутствие постоянных кадров работ-

ников-ликвидаторов привело к значительному ослаблению темпа, понижению качества и уменьшению эффективности работы по ликвидации неграмотности“.

Кроме того на Северном Кавказе отмечено еще одно явление: „чрезвычайно низкое качество всей работы школы ликвидации безграмотности, которое ведет к тому, что из окончивших эти школы многие фактически остаются неграмотными; меры борьбы с рецидивом неграмотности не принимаются“.

Ахтарские рыбаки.

Ахтари — тихий, захолустный городишко Кубанского округа, в роде лермонтовской Тамани, — „три года до него скачи — не доскачешь“.

Собственно, был городом и даже когда то гремел экспортным хлебом, а теперь опять стал станицей, впал в первобытное состояние, к удовольствию ахтарян, потому что им теперь, как станичникам, меньше приходится платить налогов.

В зимнее время в Ахтари можно попасть только по железной дороге, сев со станции Тимошевки на „Максима Горького“, при чем, если вы приехали в Ахтари в пятницу, то раньше среды обратно не выберетесь: такое неторопливое расписание — некого и нечего возить.

Остановился я в „Доме Крестьянина“.

Утром чуть свет иду к морю.

Из низких приземистых хаток, крытых камышом или соломой, выползают на свет рыбаки в высоких сапогах, в ватных куртках, в шапках-капелюхах. Каждый из них тащит за собой, на веревке через плечо санки с поклажей — не детские, однако-ж, и не конские, а нечто среднее. На санях сложена „роба“ — корзина для рыбы, сети, багры, лом, „семенюк“, которым рыбаки пробивают во льду ополонки (проруби) и еще мешок с харчами.

Море, как бушевало когда-то, так и оцепенело под морозом: ледяные валы залегают у берега наискось, с замерзшими гребешками.

Рыбаки, спустившись с откоса, переваливают через ледяные валы и исчезают вдали — идут к горизонту.

Ледяная пустыня покрывается движущимися точками, звенит мелодичным тарыхтанием полозьев, гомоном голосов... А из хат выходят новые и новые партии. Говорят, в Ахтарях до 1000 семейств рыбаков.

Рыбачий день начался.

Определенных мест для ловли нет: куда повернет косяк рыбы, там и рыбалки. Иногда ловят далеко в море, а иногда сбиваются все в бухте, у самого берега, В этот день рыбаки уходили килом. за 8, за 15.

Рыбаку итти по льду нетрудно: они привязывают особые железные скобы с шипами, вонзающимися в лед.

Замечено нечто в роде шалашиков: это стоит на льду щиты из куги (осоки), защищающие рыбаков от ветра.

Подхожу к первым попавшимся рыбаку и рыбацке, занятым своим делом. Острым, как пика, „семеньком“ рыбак пробивал звонко-стонущий лед, делал проруби. На нем — толстые ватные штаны, туго схваченные малиновым кушаком, такая же кофта (куртка). Оба — в высоких, рыжих от воды сапогах с шипами.

Сидя на корточках, рыбацка выбирала из-под льда сеть — выбирала и аккуратно складывала ее кольцами, чтоб не перепуталась. Время от времени из-под льда показывалась тарань — запутавшись в сетке, но трепыхалась, ершилась плавниками...

Рыбак ловко вынимал ее и не глядя, бросал в сторону на лед. Рыба судорожно изогнувшись, подпрыгивала, билась о лед, ловила ртом резкий морозный воздух и, в ужасе выпучив мутные глаза, быстро деревенела. Набралась порядочная кучка свежей тарани.

„Засыпав“ снова сети, рыбаки ушли.

Как же выкручивается рыбалка в несчастье, кто помогает ему стать на ноги? —

„Севка“ — это, оказывается, Севкакрайрыбаксоюз, краевое правление, которым рыбаки очень недовольны. За три года „Севка“ не дал ни копейки кредита. За три года, он только недавно и впервые удосужился прислать в Ахтари своего инструктора, который, между прочим, не знал, как инструктировать.

— Снял только книжные остатки и уехал. „А рыбу — нам!“ — приказал т. Вайнер, и сел на поезд — мы, говорит, поднимем вас на ноги.

Куда „Севке“ нас поднять, когда он нашего улова поднять не может! — возмущается Ларионов. — Мы требуем 15 вагонов-холодильников, а нам дают три вагона. Остальное — гниет, выбрасываем в море. И сам не может взять, и другим продавать не велит — государственных клиентов теряем! 10.000 в год стоит нам содержание аппарата „Севки“ в Ростове, а для нас — ничего от него пока, кроме убытков. Нам нужно, чтобы „Севка“ забирал у нас рыбу на берегу. Наша добыча — 20.000 пудов рыбы в осеннюю путину и 700 тысяч весной. Но если нам навяжут франко-вагон — мы останемся сиротами, и придется нам, как старцам, надевать сумки. Да и глупо же, недопустимо выбрасывать добро в море!

Поздно вечером иду опять на берег, в „Клуб Рыбака“.

В пучке света то и дело мелькают фигуры рыбаков, ныряющие в калитку. В опрятных комнатах с низкими потолками тепло, светло,людно и как-то по домашнему уютно.

Пришел Кальной, вихрастый комсомолец, завклубом.

— Вы, конечно, не откажетесь от пива — чудный напиток! — начал он информацию о своей работе. — Я вам скажу, что в наших условиях и пиво — одно из средств культабобы, потому что до открытия клуба, рыбаки глушили только спирт и водку... да как глушили — ужас! Такая традиция... такой труд, знаете — либо пан, либо пропал. Сегодня рыбак — бедняк, а завтра — богач, всех угощает. Так вот, первое, чего я добился — это перехода с водки на пиво.

Все это хорошо было слушать, смущал только спиртной запах из его рта... Боюсь, не слишком ли увлекается юный завклуб показом своего пивного метода...

... Шел обратно поздно. То же жуткое, ледяное море во тьме, ветер, стонущий в проводах, и одинокий фонарь над обрывом. Но тьма уже не пугала.

„Кр. Н.“

С Кубани.

Добрый день, многоуважаемый братец, Даниил Феодорович, за долгое и скучное время спешу сообщить, что все живы и здоровы, чего и тебе желаем, счастья, благополучия жить на белом свете. А теперь, Даниил Феодорович, буду писать или продолжать, получил я твое письмо, за которое очень и очень благодарю, в котором пишешь много новостей, как проживает народ в настоящее время за границей и вспоминаешь родной край. Я тоже вспоминаю, 10 лет тому назад вольную жизнь и все то, о чем и ты говоришь, чем богаты Кубань и Дон.

В настоящее время у нас тоже самое, на все большой кризис, потому что три года подряд неурожай, а хлебороб тогда богат, когда урожай. Сейчас у нас на днях весна, мы будем выезжать хлеб сеять, почти каждый хлебороб не имеет своего зерна на посев хоть кричи ала, но помощь дает государство, дают на посев хлеба всем в кредит, а по осени отдай. Даниил Феодорович, я тоже осенью взял 24 пуда, озимых посеял 2 десят., сейчас беру на 4 дес. пшеницы, ячменя есть на одну десятину, 2 дес. подсолнуха, 1 дес. кукурузы, 1/2 десят. баштана. Всею думаю посеять десять с половиной десятин, на одну лошадь. Даниил Феодорович, как и тебе уже известно, что мы 8 лет жили без лошадей, но в этом году я купил себе лошадь, я знаю, что тебе это сдастся странно, что одна лошадь, как это было раньше, но в настоящее время по новой жизни не тот богач, что 5 штук лошадей, а если есть всего харчей на год, то и богач. Сейчас почти каждый хозяин имеет одну лошадь, даже можно взять пример, Иван Миронович — тоже одна лошадь, который имел раньше 15 штук лошадей...

Даниил Феодорович, я просил тебя на свадьбу, но ты не мог присутствовать на моей свадьбе, это я отлично понимаю, что нам нельзя сегодня сойтись вместе и поговорить, повидать друг друга. Свадьбу я свою покончил и гулял, но о тебе вспоминал, дождемся-ли мы с тобой того дня, чтобы мы сошлись, как братья и повидались и друг друга всегда видели, жили вместе. А теперь Даниил Феодорович, прими мой братский привет. Затем посылают мамаша родительское благословение, которое существует по гроб жизни, великодушный привет.

А еще посылают М. Ф., Г. Ф., М. Ф., А. Ф., шлют все по низкому дорожному привету.

С тем досвиданья...

28 марта 1929.

С Дона.

Здравствуй, дорогой брат Володя!

Недавно я послал тебе письмо, не знаю получил ли ты его или нет? В том письме я написал сокращенную автобиографию.

Теперь я остановлюсь на описании настоящего времени.

Видишь-ли Володя, в настоящее время я переживаю самый трудный момент в своей жизни, не считая двадцать первого года. С пенсии я снят с учета по истечении срока, которая выражалась в сумме двадцати двух рублей с копейками. Это давало мне материальное обеспечение. Поэтому в настоящее время я безработный и нахожусь на иждивении А. Г. С., которой это не нравится. Я сознаю, что и ей негде брать, но хотя бы она не ругала меня за всякую мелочь. Эту брань может слышать повседневно, проходящий мимо человек. В настоящее время я не учусь в школе, это еще больше обременяет мое дальнейшее положение, потому, что

я не получил должное образование. Остается ждать весны и поступать на какую-либо работу, лишь бы не умереть с голоду.

Володя, у меня нет совершенно ничего из обуви, поэтому весна придет и мне нужно упустить поневоле, случай, при помощи которого я устроился бы где-нибудь и как-нибудь, отчасти это задержит меня, и придется ждать, когда установится нормальная погода. Представляешь теперь, как я живу?

Поэтому, Володя, прошу тебя, если только в силах, помочь мне в материальном отношении.

Я думаю, что хуже этого периода в жизни не будет и смею так думать. В настоящее время я совершенно без обуви, одно лишь утешение это то, что наступают весна!

Вся семья в бедственном положении; плохо насчет пищи: едим впроголодь, потому что хлеба дают по полфунта на душу в сутки. Вот здесь я изложил настоящее положение дела, а также часть и „будущего“.

9-III-1929.

С приветом В.

С Черноморья.

... Вы думаете, я мало могла бы рассказать Вам, или мне не хочется спросить иной раз Вас о чем-нибудь? А приходится говорить почти что о погоде, с малой надеждой, что может где-нибудь разберете между строк, хоть малый намек. Да вообще от такой жизни чувствуется такая усталость, что не удивительно, что часто мечтаешь, лежа в постели, что было бы невероятно хорошо на утро не проснуться, как частенько это теперь и бывает с людьми, ибо сплошь да рядом болезни сердца, но только у старых, а и у малых — так расшатала организмы. Сколько таких, что погнали со службы? и ведь всем надо кушать и не у всех есть выход из положения. А почему развилось такое: нападения, грабежи, воровство — опять таки надо кушать а работы нет. А стоимость продуктов все растет и растет, ибо количество их все уменьшается; в кооперативах так мало всего, что хотя цен и не увеличивали, но выдачи количественно поуменили до безобразия — хлеба, например, дают 3 фунта на человека, да настояшься в очереди и карточку надо иметь, а ее людям вольной профессии или домохозяйкам не давали; сахару 2 кило на месяц по двум талонам кооперативной книжки, но что такое 2 кило сахару, если у меня семья — 5 душ детей. Опять же и с книжками хитро — в ней 75 талонов; на год, значит, можешь купить только 75 видов различных предметов, причем талон отрывают, если берешь, например, два куска мыла или постное масло (они называются — дефицитными товарами) или макароны, вермишель, рис; кто знает, чего еще за год понадобится, да и кроме того дачки все определены — на раз больше взять и не смеешь, а книжки далеко не у всех, так как членские 15 руб. — тоже деньги, а теперь еще будут увеличивать или наоборот по получаемому жалованью; хоть вольком вон.

Говорят, что будто бы потому исчезновение товаров, что отправляют за границу и хлеб, и сахар, и скот, и рыбу и проч. Не знаю, как ли это, но если так, то по моему неумно отправлять в таком количестве, что свои голодают. Жиров не хватает тоже, чему удивляться, что развилась страшно туберкулез, малокровие,

малярия и т. п., а к тому же еще переутомление работающих, которые все теперь, как я знаю, работают до изнеможения. Я думаю, это потому, что мало работников — все сокращали, а дела много, потому переутомляются. Сын пишет, что работает в канцелярии „до потери сознания“; у них как раз посевная кампания, приходится пропускать 250-300 человек, снабжая деньгами и семенами, так ему приходится работать 12 и больше часов; приходит домой одурелый, утешается мыслью, что в мае будет полегче — 8 законных часов.

Ваши цены я здесь ввиде сказки из 1001 ночи рассказываю, действительно у Вас только одеваться, а мы голодраные. Здесь портной за шитье дамского пальто берет 25—30 руб., а простая модистка за перешивку — 15 руб. Я понимаю, что Вильямсу показалось у нас скверно, когда он побывал в СССР; если мы сами видим, как ветшает все кругом, то тем более видно человеку, который долго не наблюдал нас. Мы, правда, скоро в дикарей обратимся, а коситься на иностранцев будем, конечно, из страха, чтобы нас не раскусили. Между прочим, вкладываю Вам для ознакомления кусочек материала, чистая бумага, в деревнях мужики себе штаны раньше шили, а цена 2 рубля за аршин (в Праге такие готовые штаны 29 крон = 1 р. 80 коп.).

Плохо оговсюду и мы плохи. Что делать, так жизнь складывается! А все от большого ума, часть которого и Ваш Вильямс видел.

А что Вы удивляетесь, что я терплю своих сожителей, так я за последние 9 лет и не с такими подлецами имела дело и приходилось терпеть, так это уж холода, на момент неприятно, ~~холода за момент~~ меньше 15 руб. не возьмет, а я за свой угол только 5 руб. могу дать, больше не могу, а и не знаешь куда деваться — в коммунистический дом нас не пустят, а участники — пользуются случаем, содрать с нашего брата. Здесь очень остро обстоит вопрос с квартирами, ибо вся „кацапия“ в город переселилась, в теплые края, да на „вольные хлеба“ казаки налетела.

Признаться надо — жизнь незавидная, но что против судьбы поделаешь?..

С Линии.

Здравствуйте, мой дорогой и многоуважаемый друг! Имею я счастье — получил от вас письмо; я часто гадаю, чи вы живы, а чи нет, и думаю, как это черт тиф я не попал с вами и с героями на пароход. Когда читал от вас письмо, то биля меня. Было много моих друзей и семья и браты и все читали письмо от вас что вы там делаете и нас казаков не забываете за 10 лет; и все приветствуют вас и низко кланяются и благодарят и ожидают от вас ответа и вас, и кто хотя и не знал вас, но по моему рассказу будут знакомы вам. Мы были колись казаками, а пока живем не дюже хорошо и не дюже гарно, живем очень хорошо — уже и штанов нет, но делать нечего, надо терпеть, слушать да подчиняться, наше дело теперь маленькое; пока мы казаки, ну, хоч и подли казаки, а все же казаки.

А мы уже помирились с городовиками, пока живем с ними душа в душу, надо жить, теперь всех научили здесь очень хорошо, а я ваших слов не забуду и ожидать буду.

Приветствуют вас и ваши знакомые, которые были с вами на пароходе, а теперь вернулись и жалкуют...

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0.75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

